

ЭКСТРАНСИЯ

КОМ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Ком

Роман ЗЛОТНИКОВ

Ком

«Автор»

2013

Злотников Р. В.

Ком / Р. В. Злотников — «Автор», 2013 — (Ком)

ISBN 978-5-17-077942-0

Еще вчера ты был мелким коммерсантом, и самой большой твоей проблемой был неудачный день или похмелье после дружеских «посиделок». А сегодня – все изменилось. Ты совсем один. Безоружный. В чужом, непонятном, смертельно опасном мире. Точнее, не просто – в мире. Это – Ком. Место, где сходятся, проникая друг в друга, десятки, а может, и сотни Вселенных. Место, площадь которого невозможно измерить. Место, где не действуют привычные законы бытия. Здесь нет понятия «как обычно». Здесь возможно все. И умереть здесь – куда проще, чем выжить...

ISBN 978-5-17-077942-0

© Злотников Р. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть I	13
1	13
2	19
3	28
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Роман Злотников

Ком

Пролог

Когда гулкий низкий звук обозначил, что внешние ворота шлюза полностью сомкнулись, Андрей еще раз настороженно огляделся, поставил дробовик на предохранитель и вскинул его на плечо, после чего расстегнул защелки шлема и сдвинул его на затылок. Инструкция по прохождению ворот предписывала лишь поставить дистанционное оружие на предохранитель и вложить клинок в ножны, после чего, по-прежнему оставаясь в полностью застегнутой амуниции, дожидаться команды от старшего дежурной смены охраны ворот, но этого пункта инструкции никто из более-менее опытных бродников не придерживался. Даже если во входной шлюз и проник кто-то из мимикров, звук, означающий закрытие внешних ворот, был смодулирован таким образом, что под его воздействием мимикр непременно должен был бы вывалиться из маскирующего режима вследствие потери сосредоточенности. Этот звук действовал на мимикров, как красная тряпка на быка, поэтому, услышав его, мимикр должен был немедленно взбеситься и атаковать ближайший органический объект. При этом бродник, либо группа таковых, проходящие шлюз, должны бы были непременно погибнуть, но зато мимикр гарантированно лишался возможности незаметно проникнуть внутрь поселения. Так что, если атака не начиналась сразу после того, как прозвучал звук закрытия ворот, – значит, никакого мимикра рядом не было. А притащить на хвосте любую другую тварь Кома, не заметив этого... такие в бродниках долго не выживают.

В этот момент, едва заметно вздрогнув, поползли в стороны створки внутренних ворот.

– Привет, Найденыш! – с ухмылкой приветствовал Андрея капрал Шуггер, возглавлявший сегодня смену охраны ворот, когда бродник вошел во внутренний тамбур. – Не схарчили еще?

– Нет пока, – отозвался землянин. Вот ведь сука, специально из бункера вылез, чтобы сказать ему пару гадостей. И ведь не сделаешь ничего – человек при исполнении. Поэтому бродник только дежурно поинтересовался: – Не просветили еще?

– А чего у тебя светить-то? – презрительно расхохотался капрал: – Сено, что ль?

Андрей соорудил тупое выражение лица и, повинувшись кивку оператора станции контроля, чья башка торчала в амбразуре левого дота, в котором располагалась станция просветки, вскинул на плечо здоровенный рюкзак с добычей и двинулся вперед. Они с Шуггером друг друга недолюбливали, но после той потасовки в забегаловке дядюшки Инзинана судья присудил им обоим не приближаться друг к другу на расстояние меньше тисаскича, то есть около семидесяти метров. Поэтому вот так, нос к носу, они с капралом могли бы столкнуться только здесь, у шлюза, в тот момент, когда бродник проходил через него в ту или другую сторону, а капрал находился на смене. В любом другом случае, как только один из них приближался к другому на расстояние, меньшее, чем было определено судьей, линки обоих тут же подавали сигнал. После этого перед ними мгновенно возникал выбор – изменить траекторию движения, чтобы снова оказаться за пределами указанной судьей запретной зоны, либо наплевать и тупо переть дальше. Вот только в последнем случае буквально через несколько минут рядом с нарушителем непременно появился бы ближайший помощник шерифа и, взяв его мягонько за жабры, снова препроводил к судье. А лишний раз показываться пред светлые очи судьи Бандероя Андрей очень бы не хотел. У него и так статус социальной адаптации дышал на ладан. За два года пребывания в Клоссерге, землянин имел уже пять приводов и два все еще действующих в отношении него решения суда. Одно – запрет на посещение борделя мадам Клиоро, до конца

которого оставалось еще двадцать два дня, а второе – как раз не приближаться к Шутгеру. И если к запрету на посещение борделя Андрей относился, в общем-то, вполне спокойно – все равно с его доходами набрать нужную на посещение сумму ему светило очень не скоро, то вот терки с капралом напрягали куда сильнее. Шутгер был из постоянных жителей и торчал в поселке почти безвылазно, так что Андрею за день приходилось не один раз пересматривать свои маршруты, дабы не нарушить предписание судьи. Впрочем, капрал тоже не был ангелом, и над ним так же дамокловым мечом висела опасность при очередном пролете уронить свой социальный индекс настолько, что его пинком вышибут из стражи поселения. Поэтому он землянину особенно не досаждал и лишь во время вот таких встреч позволял себе слегка распусть свой поганый язык.

До лавки Ннантинна Андрей добрался без особенных проблем. Аклумец встретил его доброй улыбкой. Впрочем, точно так же он улыбался абсолютно всем, даже тем, кого видел впервые в жизни. А возможно даже, и заклятым врагам. Ходили такие слухи про аклумцев. Это, мол, связано с их религией и традициями. Хотя воочию этого бродник не видел. Во всяком случае, в крайнем выражении, то есть именно в отношении заклятых врагов. Здесь, в Клоссерге, заклятых врагов у Ннантинна не было. Ну, насколько знал Андрей.

– Привет, Аннрей, – звонко произнес (почти прокричал) хозяин лавки. – Приннес?

Землянин скинул с плеч туго набитый рюкзак, парой привычных движений раскрыл горловину и начал выкладывать кульки с добычей.

– Вот, держи. Это – лазурная ветрянка. Вот ним, как ты и заказывал. Это – левички, здесь парнулла озерная. И еще у меня есть с дюжину корней радужного лотоса и десятка три лапок теневого червя. Будешь брать?

– Лотос – возьму, а лапки отнеси Икраиму. Ему ннадо, знаю – хорошую ценну даст.

Землянин слегка сморщился. Если с аклумцем все обычно происходило нормально, без проблем: есть товар, есть цена – предоставь товар и получи заработанное, то с Икраимом дело обстояло куда мутнее: тот был просто невероятно жаден и обожал торговаться. Так что пока выжмешь из Икраима свое – семь потов сойдет. Да и не всегда это получаются. Взять свое, то есть. А с другой стороны, если Ннантинн сказал «ему надо», значит, есть возможность даже не взять, а еще и вернуть свое, ранее недобранное, выжав из Икраима несколько больше обычной цены.

Следующие пятнадцать минут были заняты тем, что Ннантинн придирчиво ковырялся в кипах принесенных растительных реагентов, тщательно взвешивал их и аккуратно упаковывал, после чего вновь повернулся к Андрею.

– Значит, одинн ним и пять тисалоев листьев лазурной ветрянки, два нима и шесть тисалоев спор паутинной левички, шестьдесят коробочек парнуллы озерной и тринадцать корней радужного лотоса... с мення двести двадцать три условных кредитных единицы, так? – подвел он итог своих подсчетов.

Андрей молча кивнул.

– Часть зельями возьмешь?

Землянин на мгновение задумался, а затем уточнил:

– Скидку дашь?

– Десять проценнтов.

– Пойдет, – согласно кивнул бродник, – дай мне два комплекта картриджей для средней аптечки. И тубу с универсальным антидотом.

– Ты купил среднюю аптечку? – удивился Ннантинн, выкладывая на прилавок заказанное, и улыбнулся. – Лови на линнк остальные сто двадцать пять единиц. И поздравляю.

– Еще не купил, – буркнул Андрей, вскидывая на плечо изрядно похудевший мешок, – но собираюсь. Вот как Икраима на бабло раскручу – так сразу и куплю. Почти год на нее копил...

Аклумец окинул его задумчивым взглядом, а затем негромко попросил:

– Подожди орм, – после чего нырнул в низкую дверь, расположенную в дальнем конце лавки. Андрей на мгновение замер, а затем пожал плечами и снова скинул рюкзак на пол.

Ннантинн появился через две минуты со стандартным белым упаковочным контейнером в руках.

– Вот, держи.

– Что это? – не понял бродник. Аклумец снова улыбнулся и раскрыл контейнер.

– Средняя аптечка. Аклумская. Армейский вариант. «Паннацея-5М». Очень хорошая. Здесь такие ннайти очень трудно. Сам же знаешь – в Клоссерге почти все лавки забиты дешевым ширпотребом типа «Скоропомощь-3» или «Аннтиранна-ТКМ». Ты, ннавернное, какую-нибудь из них хотел купить?

– Ну да, – рассеянно отозвался Андрей, крутя в руках аптечку. Она заметно отличалась от обоих названных Ннантинном, как, впрочем, и от еще дюжины моделей, относящихся к той же ценовой категории. Эта аптечка была явно меньше, чем те, на которые бродник так давно уже точил зуб. Она всего лишь наполовину превышала по размерам стандартную малую аптечку. При этом корпус аптечки был заметно толще и явно прочнее, инъекторный блок закрывался пластиколовой крышкой, зарядная полость имела на три картриджных гнезда больше, чем обычные средние аптечки, зато анализаторный блок и биореактор были куда компактнее, чем в тех, на которые Андрей облизывался весь этот год.

– И сколько стоит?

– Отдам за обычную ценну, – сообщил ему Ннантинн.

– И с чего такая щедрость? – удивился Андрей. Аклумец пожал плечами:

– Долго продается. Онна у мення одна. Группы обычно берут однотипные, а одиночкам онна нне по карманну.

Бродник понимающе кивнул. Ну да, понятно... Одиночки здесь долго не протянут. Основную массу быстро схарчат, а те, кто выживает хотя бы год, по прошествии которого у человека при большой удаче может появиться бабло на покупку средней аптечки, к этому моменту, как правило, уже прибиваются к какой-то группе. Ну а в группе особо не повыбираешь. Все, что только возможно из вооружения и снаряжения, группы стараются взять одного типа. Для экономии, чтобы запчасти, расходники, обвес и тому подобное закупать мелким оптом и по сниженным ценам. Здесь, на первых горизонтах Кома, индивидуализм не рулит...

Андрей несколько секунд раздумывал, а затем согласно кивнул:

– Хорошо, пойдет. Лови девять сотен, – это были практически все его деньги на данный момент, а ему еще надо было прикупить боезапас и продукты, потраченные в только что завершившемся рейде, починить кое-какую снарягу, заплатить за комнату, да и вообще, слегка оттянуться после рейда не помешало бы, но... навскидку, эта «Панацея-5М» должна стоить не меньше тысячи трехсот единиц, ему же доставалась за девять сотен. Так что оно того стоило. Да и за лапки теневого червя он собирался снять с Икраима не менее двух сотен. Ну, если ему действительно надо...

До Икраима Андрей добрался минут через пятнадцать. И едва только он вошел внутрь, как хозяин лавки встретил его громким воплем:

– Если ты приперся впарить мне лапки теневого червя по пятерке за штуку, то можешь проваливать. По такой цене можешь втюхивать их своей теще!

Андрей, за время этого громогласного заявления успевший сделать три шага от двери в сторону прилавка, молча развернулся и двинулся на выход. Но едва он протянул руку к дверной ручке, как Икраим, все это время изо всех сил изображавший, как его достали все вокруг и особенно бродники, собирающиеся втюхать ему эти совершенно ненужные лапки, произнес уже гораздо более спокойным тоном:

– Погоди.

Землянин остановился. Икраим еще пару мгновений поизображал сильное утомление от всяких там бродников, шляющихся непонятно куда непонятно зачем и отвлекающих серьезных людей от важных занятий, а затем всем своим видом демонстрируя великое снисхождение, спросил:

– Ну чего там у тебя?

– Лапки теневого червя.

– Три единицы, – отрезал Икраим. Землянин громко хмыкнул и снова протянул руку к дверной ручке, но едва только успел за нее взяться, как его снова остановил голос хозяина лавки.

– Ты куда? – спросил тот недовольным тоном.

– По такой цене можешь покупать их у своей тещи, – вернул подачу Андрей, но дверь открывать не стал. Икраим подумал пару мгновений, бросил на землянина быстрый взгляд и недовольно буркнул:

– Все равно на пятерку даже не рассчитывай.

– Я и не рассчитываю, – пожал плечами бродник, а потом ехидно прищурился и заявил: – Потому что меньше, чем по десятке не отдам.

– Что?! – взревел Икраим. – Ты, жалкий выкидыш клевца и хуронки, да как у тебя только язык повернулся?..

Ругань с темпераментным хозяином лавки затянулась на полчаса, но зато его лавку Андрей покинул, разбогатев куда сильнее, чем первоначально рассчитывал. Икраима удалось дожать на восьми единицах за лапку и удачно отбить все попытки прицепиться к якобы нетоварному виду тех или иных образцов. Бродник твердо стоял на своем – по восемь за штуку и весь товар оптом, или – досвидос... Так что когда Андрей наконец-то потянул на себя дверь лавки, чтобы покинуть-таки это столь гостеприимное (сегодня) заведение, его настроение заметно улучшилось. Двухсот сорока кредитов, как коротко именовались универсальные кредитные единицы, которых он выжал из Икраима, должно было хватить ему и на пополнение боезапаса, и на продукты, и на оплату комнаты, и даже на оттянуться оставалось неплохо. А если он решит, как и собирался, выйдя от Ннантинна, отдохнуть не более пары-тройки дней, после чего выйти в новый рейд, то вполне удастся и отложить десятку-другую на черный день или на какую будущую покупку. Скажем, на новый шлем со встроенным сканером второго класса, что-нибудь типа «Следопыт-4». И тогда появится шанс сунуться на второй горизонт с ненулевыми шансами на возвращение. Правда, самого шлема мало. Надо еще потратиться на аккумуляторы... И эта последняя мысль мгновенно вышибла из него всю радость от удачной сделки и того, как он сегодня сумел раскрутить самого Икраима. Ибо она напомнила ему о его самой главной проблеме – о том, что вот уже почти два года он обретаётся в Клоссерге и лазает по первому уровню Кома, но до сих пор так и не овладел хасса хотя бы на первом уровне...

До «Достойного приюта» Андрей добрался всего за пять минут. Ну дык уже налегке... Поднявшись на второй этаж, он шлепнул по сенсору ключом-картой и ввалился в свою комнату. За то время, что землянин обретался в этом поселении, Андрей уже успел обзавестись кое-какой обстановкой, поэтому у него в комнате кроме стандартных стола, стула, шкафа, кровати и оружейного сейфа было еще потрепанное, но довольно удобное кресло, кухонный автомат и ультразвуковая стиралка. Кроме того, под сдвинутым в дальний угол столом прятался еще один сейф и плетенный из окки короб для грязного белья.

Скинув ботинки на коврик у двери, Андрей босиком прошлепал к оружейному сейфу и торопливо сгрузил в него все оружие и свежескупленную аптечку. Затем разделся, освободил карманы комбинезона, вытряхнул рюкзак, выдернул подкладки из шлема, кирасы и ботинок и запихнул все это в стиралку. После чего выудил из шкафа свежее белье и, как был, босой и в одном провонявшем белье, вышел из комнаты и двинулся по коридору в стороны душевых.

Несмотря на некоторым образом претенциозное название, «Достойный приют» был дешевой ночлежкой (ну с поправкой на контингент, конечно), так что в комнатах здесь имелись только раковина и закуток с унитазом, а душ был один на этаж.

Помывшись и переодевшись, Андрей вернулся в комнату, открыл оружейный сейф и, повесив на ремень «одноручник», свалил все остальное оружие (ну кроме клинка) в оружейную сумку, после чего спустился на первый этаж, который занимал едва ли не самый популярный во всем Клоссерге бар. Столь популярным он был благодаря одной своей изюминке. У Толстяка Кемми, который был хозяином этого приятного местечка, вдоль длинной стены тянулся большой оружейный стол, рядом с которым стояли высокие барные табуреты. Так что здесь можно было почистить оружие не только с большим комфортом, чем в комнате или, скажем, в тире, но еще и с пивом. Тем более, что ветошь, салфетки и оружейное масло стояли прямо на столе, и пользоваться всем этим можно было совершенно бесплатно. Впрочем, расходы на ветошь и остальное Кемми вполне восполнял за счет того пива, которое заказывали пристроившиеся у оружейного стола бродники и их приятели, подтянувшиеся к ним почесать языками. Ибо, если даже в остальном баре народу могло и не быть, оружейный стол никогда не пустовал.

– Здорово, Найденыш! Вернулся? – громко поприветствовал его Громила Гардинг, торчавший тут же, за оружейным столом, возясь с какими-то своими железками, и, не дожидаясь ответа на первый вопрос, тут же задал второй: – И как сходил?

Землянин бухнул на стол оружейную сумку и пожал плечами:

– Да нормально, в общем. Почти четыре с половиной сотни с рейда принес.

– О-о, хороший рейд! – тут же влез в разговор Бродлер. – Слушай, а займи мне три сотни? Я собираюсь сделать себе второй узор.

– А нет у меня уже, – лениво отозвался Андрей, сноровисто раскидывая дробовик, – я среднюю аптечку купил. У Ннинтинна.

Вообще-то, дать броднику займы на узор, первый ли, второй ли, все равно – дело святое. И отказывать в таковом у бродников не принято. Нет, никаких официальных санкций не предусмотрено, но... неписанные традиции везде и всегда соблюдаются куда как строже, чем писанные законы. Вот и эта была из таковых. Если бродник (то есть именно уважаемый бродник, а не сопляк из числа «мяса») просит денег на узор, значит тот, у кого он просит, должен дать, сколько может. Ну, то есть все, что есть, исключая сумму, необходимую на подготовку к следующему рейду – это святое. Зато потом заполучивший узор на таких условиях не может потратить ни одного креда на апгрейд своего вооружения, снаряжения или даже просто на выпивку в баре, пока не расплатится с долгом. Такова традиция. Но... эта традиция уже давно не имела к Бродлеру никакого отношения. Ибо, несмотря на то, что тот околачивался в Клоссерге уже три года, Бродлер так и не стал, а вернее, уже давно выпал из категории «уважаемого бродника»...

Нет, когда-то он был вполне приличным бродником. И достаточно авторитетным. Да и судьба у него так же была вполне обычной. Сначала полгода погулял по первому горизонту, как и все новички страстно мечтая о том, чтобы у него пробудилась природная чувствительность к *хасса*. Потом, опять же, как и всем новичкам (ну, почти), ему надоело ждать, когда это, наконец, произойдет, и он, опять же, как это случалось в девятьсот девяносто девяти случаях из тысячи, сделал себе первый узор, позволявший чувствовать *хасса* и управлять им на начальном уровне. Воодушевленный появившимися ощущениями и возможностями, Бродлер спустился на второй горизонт, а потом даже сунулся на третий. Не один, конечно, а с командой Клубня. И вот на третьем что-то произошло. Что именно – никто не знал, но после того, как у шлюза Клоссерга появился Угрюмый Той, волочивший на плечах впавшего в кому Бродлера, который тогда еще носил бродяжью кличку Груша, и сообщил, что они двое – все, что осталось от команды Клубня, Бродлер сильно изменился. Сначала он перестал соваться не только на третий, но и на второй горизонт, а немного погодя его стало очень сложно затянуть в рейд даже по первому. Большую часть времени Бродлер просто торчал в поселении, шляясь по барам

и постепенно пропивая все, что накопил за не слишком долгую бродяжью карьеру. А когда кредиты закончились, понес в лавки оружие, снарягу и все остальное. То есть он как бы завис в пространстве, прекратив строить обычную карьеру большинства бродников: полгода-год на первом горизонте, ожидая, проявится ли или нет природная чувствительность к *хасса*. Затем разочарование, первый узор, после которого можно уже соваться на второй и, для особо рискованных, на третий горизонт. Затем еще года два-три на этих горизонтах, за которые можно полностью овладеть первым уровнем *хасса* и скопить денег на второй узор, с которым появляются ненулевые шансы попасться на четвертом, пятом и, при большой удаче, шестом горизонте.

Девяносто процентов бродников, которые сумели дожить до этого момента, на том и останавливались. Ибо третий узор стоил совсем уж сумасшедшие деньги, а без него переходить на более низкие горизонты не имело никакого смысла. Ну а ниже десятого-одиннадцатого с узорами лезть было вообще глупо. Нет, по слухам, существовала возможность сделать себе четвертый узор, который давал возможность заполучившему его оперировать *хасса* на четвертом, а иногда даже на пятом уровне. Но тот стоил совсем уж запредельно. Хотя некоторые лаборатории транссистемных корпораций и исследовательские станции, висающие над Комом, и готовы были оплатить имплантацию четвертого узора почти любому, сумевшему добраться до третьего, но контракт при этом был составлен таким образом, что человек, согласившийся на подобную «благотворительность», на двадцать лет оказывался в настоящем рабстве. Да и, по слухам, четвертый узор, хоть и позволял оперировать *хасса* на соответствующем уровне, но при этом вызывал очень болезненные ощущения. Так что подавляющая часть бродников ограничивалась вторым узором и не стремилась к большему. На этом уровне бродник уже зарабатывал столько, что начинал себя чувствовать в Коме с относительным комфортом. Ему уже вполне хватало денег на постепенный апгрейд снаряжения и кое-какие немудрящие развлечения от посиделок в баре до даже посещения борделя. А большего многим было и не надо. Тем более, что шанс получить обратный билет из Кома им все равно не светил. Так и жили... пока Ком их не убивал. Ну да Ком – вещь жесткая и цену за свои сокровища требует немалую, причем не кредитными единицами, а единственной настоящей платой – кровью и жизнью...

Так вот, Бродлер перестал двигаться обычной дорожкой бродников, но и не уходил из бродников, окончательно оседая в поселении, как обычно поступали остальные неудачники либо те, кому надоело шляться по горизонтам, а так и ошивался по барам Клоссерга, практически не высовывая носа за периметр. Единственным периодом, когда он несколько оживлялся, были дни, когда сюда, в Клоссерг, спускалось свежее «мясо», то есть «снаружи» приходил очередной транспорт со свежезавербованными, и в их поселении появлялись новички, по тем или иным причинам захотевшие стать бродниками... ну или принужденные к этому выбору. Тогда он выпячивал грудь, надувал щеки и щедро делился с испуганным «мясом» своим «богатым опытом старого бродника», меняя его на выпивку и закуску. Более того, в первую декаду после прибытия «мяса» Бродлер мог даже выползти за пределы поселения и совершить короткую прогулку по его окрестностям во главе куцей сборной команды новичков, гордо именуя все это «рейдом». Естественно, не за бесплатно. Но это продолжалось максимум один саус. А потом до новичков постепенно доходило, что у «старого опытного бродника» трясутся руки и слезятся глаза, что в так называемом рейде они смогли раздобыть только несколько пучков травы, красная цена которой – одна кредитная единица, что этот «опытный ветеран» одет в такую же снарягу начального уровня, что и они, только совсем уж потрепанную, и вообще не имеет дальнобойного оружия. Поэтому Бродлеру опять переставали платить и наливать, и он снова впадал в некое полукоматозное состояние до прибытия следующего «мяса», торча в барах без гроша в кармане и перебиваясь случайным благоволением вернувшихся из рейда бродников. Вот и сейчас он дремотно мочил обвисшие усы в купленной какой-то доброй душой кружке

пива и оживился лишь тогда, когда Андрей сообщил о финансовых результатах своего последнего рейда.

– Во как! – уважительно покачал головой Громила. – Скопил-таки.

Андрей молча кивнул, наматывая на шомпол кусок ветоши. В принципе, Громила был неплохим парнем, и в другое время землянин был бы не против почесать с ним языком, но не в этот раз. Он собирался быстро почистить оружие, уговорить кружку пива с яичницей, да завалиться в койку. Устал. Так что спустя еще два-три односложных ответа до Гардинга, наконец-то, дошло, что Найденыш сегодня не настроен на разговор, и он отвернулся. Зато к оружейному столу подошел сам хозяин бара.

– Привет, Андрей, – поздоровался Толстяк Кемми, опуская на стол перед землянином кружку с пивом. – Кушать будешь?

– Привет, Кемми, буду яишницу, соскучился по твоей фирменной, – улыбнулся Толстяку бродник.

– Это мы быстро, – улыбнулся тот в ответ. – Тебе из двенадцати яиц или поменьше?

– Шести хватит. Не хочу перед сном набивать пузо до отказа.

Яичница подспела как раз к тому моменту, как Андрей покончил с дробовиком и «ручником». Толстяк приволок ее сам, выказывая уважение старому клиенту. Но, поскольку Андрей уже покончил с чисткой, они с Толстяком плавно переместились за столик.

– Вечером Астрая выступает, подойдешь? – поинтересовался хозяин бара, когда землянин принялся за яичницу. Андрей на мгновение замер, потом вздохнул и покачал головой:

– Нет, Кемми: что было – то прошло.

Толстяк вздохнул:

– Понятно... а на сколько у меня задержишься?

Бродник, жуя, задумался. В принципе, деньги пожить спокойно дней шесть-семь или даже декаду у него есть, но вот появление в Клоссерге Астрай, пожалуй, делает эти планы слабо выполнимыми. В основном в отношении «спокойно». Значит, следовало лянть.

– Да пару ски – отосплюсь, закуплюсь и тронусь. Ну, если ничего более денежного не подвернется.

– Поня-ятно, – протянул Толстяк. Некоторое время они сидели молча. То есть просто сидел именно хозяин бара, а бродник продолжал поглощать яичницу.

– Слушай, а Невалешка здесь? – спросил Андрей, покончив с яичницей и опрокидывая себе в глотку остатки пива.

– Невалешка сделал себе узор, – негромко ответил Толстяк. Землянин замер, прекратив есть, затем с натугой сглотнул не до конца пережеванное и тихо спросил:

– Когда?

– Позавчера, – так же тихо ответил хозяин бара. – И сразу же ушел в рейд.

– Один?

– Один, – согласно кивнул Толстяк. Они снова помолчали.

Невалешка был последним из относительно старых бродников, который не делал себе узора, как и Андрей, страстно мечтая, что у него проснется-таки природная чувствительность к *хасса*. Он прибыл в Клоссерг всего через два месяца после того, как здесь появился сам Андрей. И продержался дольше всех. Ну, исключая, естественно, самого землянина. Все остальные из его партии «мяса» уже давно сделали узор. И только он все ждал и ждал...

– Наверное, не хотел встречаться с тобой, – продолжил Кемми. Андрей стиснул зубы. Ну что ж, значит, так тому и быть. Землянин молча кивнул и, отодвинув пустую тарелку, так же молча поднялся, скинул с линка на счет бара три с половиной креда за пиво и яичницу и двинулся к лестнице.

Вернувшись в комнату, Андрей рухнул на кровать, закинул руки со стиснутыми кулаками над головой и уставился в потолок. Это, выходит, теперь он самый старый бродник в

Клоссерге, у которого нет узора? Впрочем, чего это он... Найденыш и так был самым старым бродником в поселении, который, вот идиот-то, до сих пор отказывался сделать себе узор и начать нормально зарабатывать. Потому что даже в некоторые уголки первого горизонта, причем наиболее прибыльные, то есть такие, в которых встречается наиболее опасная флора и фауна, соваться без узора было несусветной глупостью – схарчат, и не заметишь. Причем, со стопроцентной вероятностью. Но землянин, с упорством, достойным лучшего применения, все ждал и ждал, когда, наконец, у него проснется чувствительность к *хасса*. Ведь Иллис обещала ему... Андрей зло скрипнул зубами. Да мало ли что могла пообещать ему смертельно уставшая женщина, над которой смерть уже простерла свое крыло? Может, ей просто померещилось, может, она хотела как-то утешить его, может, готовила почву для того, чтобы он не сильно сопротивлялся, когда она, как собиралась, сделает его «долговым агентом»... И все это время Андрей надеялся на мечту, на невозможное, на чудо. А чудеса – они такие, они случаются очень редко и только с особенно избранными. А таким неудачникам, как он, надеяться на них глупо. До Неваляшки уже это дошло, а он все...

Успокоиться Андрей сумел только где-то через полчаса. Причем это произошло, когда он принял судьбоносное для себя решение. Завтра. Он. Пойдет. И. Сделает. Себе. Узор. Все, хватит страдать мечтами. Именно страдать. То, о чем он мечтал – невозможно. Если бы это было возможно, то оно давно бы уже произошло. А раз оно не произошло – значит, не произойдет уже никогда. Тем более, что одно чудо с ним все-таки уже случилось – он выжил. Выжил там, где выжить у него не было ни единой доли шанса. Так что лимит исчерпан. С этими мыслями он, наконец, заснул.

Часть I Потери Кома

1

Андрей вывалился из вагона в привычную серо-черную скудность интерьеров станции «Волоколамская» и, стиснутый плотной толпой, побрел в сторону выхода. Во вставленных в уши горошинах наушников гремел рамштайновский «Mein Land». Маршрут был до тоски привычен (он начал работать продавцом на Митинском радиорынке еще на третьем курсе университета, а сейчас уже числился в полноправных арендаторах секции) – выйдя из метро, надо было перейти дорогу и с левой стороны, перед Универсамом «Пятёрочка», повернуть в Цариков переулок, а затем телепать по дорожке до пересечения с Пятницким шоссе. Потом подземный переход и вот он – дом, милый дом. Впрочем, это не дом, это – галеры...

На выходе из подземного перехода кто-то ткнул Андрея в бок. Он выдернул из ушей наушники и повернулся. Это был Степа, арендатор соседней секции, занимавшийся всякой радиообразной мутью – носимыми и автомобильными радиостанциями, декодерами, сканерами и тому подобным.

– Привет, Андрюха! – привычно прорычал он. Степа вообще разговаривал так, рыча и бухая, отчего уборщица Ниловна обзывала его «Жигурда», хотя внешне он на него был совершенно не похож. Андрей молча тиснул руку для приветствия и, окинув Степу взглядом, поинтересовался:

– Чего это ты такой вздернутый?

Степа хмыкнул и покачал головой:

– Ты не поверишь!

– И во что? – нейтрально поинтересовался Андрей. Не то чтобы его это так уж интересовало, особенно утром в понедельник, но Степа был славным малым – большой, шумный, с необъятным пивным пузом, добродушный, но не трус. Когда, полтора года назад, у Андрея, который к тому моменту уже вышел в, так сказать, одиночное плавание, но еще сидел на субаренде и потому крутился, как белка в колесе, один нарик попытался спереть с демонстрационного стенда только что пошедший в продажу и потому жутко модный и популярный iPhone4, Степа, расслабленно дремавший в своей секции, храбро бросился на размахивающего канцелярским резак урода и сбил его на пол. После чего подоспевший Андрей быстренько скрутил грабителя. Впрочем, чего того крутить-то было? Нарик совсем дохлый оказался: ножки – жердочки, ручки – веточки, да и те дрожат. Видно, совсем урода ломка достала, что он на такой открытый грабеж пошел...

– У меня, это... – тут Степа глупо улыбнулся, шумно вздохнул и выпалил: – доча родилась.

Андрей аж слегка сбился с шага:

– То есть? Ты ж не женат? Или я что-то путаю?

– Да не, все верно, – кинул головой Степа, – бог миловал.

– И как?

– Да была тут одна. Тихая такая, – Степа смущенно хмыкнул, – в общем, я с ней почти полгода жил. А потом она пропала. Домой уехала, на Урал – и с концами. Я даже подергался, искал ее – как-то у нас с ней все по-человечески было, но... и тут, вдруг, позавчера звонит и говорит, что, мол, доча у меня родилась, но она ни на что не претендует и на алименты подавать не собирается. Однако, мол, не сообщать мне о сем факте совсем посчитала неправильным.

– Разводилов? – недоверчиво уточнил Андрей.

– Может, и так... – протянул Степа и, помолчав, добавил: – Тока мне уже все равно.

– То есть?

Степа некоторое время молча шел рядом, будто не услышав вопроса, а потом заговорил:

– Рожать-то она сюда приехала. К тетке, у которой и раньше квартировала. Так что... Я как дочу на руки взял, понял – моя. Ну, то есть, как оно там на самом деле – хрен его знает, но вот эту кроху я хрен кому отдам. Моя она – и все, – Степа помолчал некоторое время, а потом продолжил: – Знаешь, наверное я того... дозрел... Мне еще дед говорил, что наступает у мужика такое время, когда ему это... дитенка надобно. Мол, поначалу все хорохорятся, бабам юбки на головы задирают, кулаками машут, думая, что именно это их мужиками делает. А на самом деле все не так. Мы мужиками становимся, только когда бремя на себя берем, заботу о ком-то на свои плечи взваливаем, а до того мы просто сопляки великовозрастные, – он покопился на идущего рядом Андрея, у которого, похоже, в этот момент было очень скептическое выражение лица. Поэтому Степа шумно вздохнул и покачал головой: – Эх, не умею я...

– Чего? – после некоторой паузы уточнил Андрей.

– Да сказать, как надо. Дед все так... – он прищелкнул пальцами, подыскивая слово, а затем резанул: – сочно все сказал, что меня тогда до печенок продрало. Хотя я ему в тот момент не поверил. Ну да я и куда моложе тогда был, чем даже ты сейчас. Так что все понятно – не мог я тогда поверить. Мне ж тогда не мужиком становиться надо было, а житуха классная нужна была. Ну, как я ее себе представлял. Мужиком-то я себя и так считал, таким самым настоящим – крутым, брутальным и креативным. И только недавно до меня стало доходить, что никакой я не мужик, а на самом деле «Жигурда», как меня Ниловна кличет, – Степа хмыкнул. Он это прозвище жутко не любил и однажды, по пьяни, признался Андрею, почему. Байку рассказал. Был он как-то с приятелем у него на даче. Дачей же выступал обычный деревенский дом, в котором обретались дед и бабка приятеля – простые люди, всю жизнь прожившие в своей деревне. И вот, приняв солидно пивасика на грудь, выползли Степа с приятелем на крылечко покурить и подышать. А спустя минут десять на том же крылечке нарисовалась и бабка. Степа с приятелем передвижение стариков никак не отслеживали, сосредоточившись на пивасике, так что на бабку уставились с интересом. Мол, чего это ей дома-то не сидится? Та же спустилась со ступенек, развернулась в сторону будки туалета, возвышавшейся на дальнем конце огорода, и, подбоченясь, заорала:

– Ну, ты, Жигурда, долго еще торчать там думаешь? Ужин простыл!

У Степы аж сигарета изо рта вывалилась. Он только и сумел спросить:

– А с чего это Джигурда-то, бабка Ефросинья? Вроде, неплохой актер.

– А-а, – махнула та рукой, – был неплохой, да весь вышел. Ноне эвон, прям как дед мой на толчке: тужится-пыжится, а толку-то – чуть.

И тут такое признание...

Некоторое время они со Степой шли молча, потом тот глубоко вздохнул и отрубил:

– Так что сегодня вечером – гуляем. Прощаюсь я с холостой жизнью.

– О, как! – покачал головой Андрей: – Круто ты.

Степа сурово кивнул:

– Да. Решил – женюсь. Не хрен девке без отца расти. И так полстраны детей в неполных семьях обретаются. Будто мужиков на войне выбило, – тут он на мгновение задумался, а затем рубанул: – А я тебе так скажу Андрюха: как-то легко мы сейчас живем, неправильно. Облегчения ищем, не жилы хотим рвать, а чтоб само случилось, не ответственности, а наоборот, чтоб ничего не связывало. И того не понимаем, что только хуже себе делаем. Ведь если не напрягаться – так ничего толкового и не получится. Попробуй-ка мышцу накачать, не напрягаясь? Или, скажем, английский язык выучить – слова не разучивая. Не-ет, само по себе, без того,

чтобы напрячься, ничего толкового не получится. Одна имитация. Потому-то и мужиков у нас нынче и нет почти что. А вместо них – такие вот Жигурды, мужиками только притворяющиеся.

Андрей натянул на лицо нейтральное выражение. Да уж, похоже, Степу случившееся событие крепко зацепило. Так, что все его прежние воззрения просто наизнанку вывернуло. Ведь такой ходок был... И, как всякий неофит, он тут же ринулся жарко пропагандировать захватившие его новые идеалы. Спорить с ним у Андрюхи никакого настроения не было. Однако Степа, похоже, и сам понял, что слегка того, перебрал с философией, поэтому не стал более развивать тему, а только еще раз подтвердил, что «сегодня гудим».

* * *

День прошел средне. Андрей продал пять телефонов, три самсунговских планшетника «Гэлакси» и кое-что по мелочам. Мало, но по нынешним временам... А после восьми вечера закрыл рольставни и подошел в подсобку к Степе. Там уже было людно – кроме самого Степы над «поляной» хлопотали три девчонки – Танька, разбитная хохлушка из секции напротив, Нина, официантка из кафешки этажом выше, и какая-то незнакомая Андрюхе девица в готском прикиде. Из мужиков же, кроме самого Степы и Андрея, был еще Паша, старший смены охранников. Последнее было объяснимо: если бы Степа не договорился с охраной, их бы быстро турнули из комплекса.

Посиделки начались ожидаемо. Сначала быстро накатили первые три, ну, чтобы слегка проняло, а потом расслабившийся народ развалился на стульях и принялся общаться. Танька тут же начала клеиться к Паше, сверкая блудливыми глазами и похохатывая, девица-готица – активно жрать под шумок, а Степа – изливать на Андрея переполнявшие его эмоции, рассказывая, какие чувства его охватили, когда он взял на руки маленькое, завернутое в одеяло тельце дочки.

– ...а знаешь, Андрюха, я в тот момент себя вспомнил... ну, в молодости. Как я тогда зажигал! Только юбки трещали. И вот стою я, смотрю на это крошечное существо, что на меня из пеленок смотрит, и понимаю: если кто с ней так, как я тогда, – убью ведь на хрен. Просто голыми руками порву!.. Э-э, да что тут говорить – народ, а давайте выпьем за Степановну...

Следующие тосты Андрей запомнил смутно. После седьмого он почувствовал, что организм переполнен жидкостью и пора отлить. Однако, когда Андрей подошел к туалету, из-за неплотно прикрытой двери послышались весьма характерные звуки. Он осторожно заглянул в щель. Танька добилась своего и сейчас, сладострастно повизгивая, прыгала на Пашке, устроившемся на широком подоконнике. Андрей криво усмехнулся – Танька в своем репертуаре. Ну, есть такие блудливые бабы, которым хочется всегда и со всеми. И хотя Танька всем говорила, что «она не такая», что она просто ищет «мужика с квартирой», чтобы «сынку, кровиночку родненькую с Полтавщины от матери забрать», и потому ей «все равно, какой будет – старый бо молодой, денежный бо не очень, лишь бы нам с сынкой угол был», на самом деле ей, похоже, просто нравился, так сказать, «сам процесс». Поскольку ходили упорные слухи, что в те дни, когда ей не удавалось подцепить никого перспективного, то есть с квартирой, она бегала к грузчикам-таджикам, ютившимся в строительном вагончике без колес, торчащем на дальнем конце заднего двора. Впрочем, Андрей ее не осуждал: в конце концов, у каждого человека – свои тараканы в голове. Просто после того, как он узнал это про нее, Андрей совершенно перестал реагировать на ее весьма недвусмысленные предложения. В конце концов, он свой хрен не на помойке нашел, чтобы пихать его туда, где до него (а так же параллельно с ним и после него) побывало столько всяких других. Нет, ханжой он не был и к тому, что у тех подруг, с которыми он общался, он далеко не первый и, очень вероятно, не последний, Андрей относился, как и любой современный парень, вполне нормально. Но в случае с Танькой, по его ощущениям, уже работал закон перехода, если можно так выразиться, количества в качество...

Долго подглядывать за столь банальным процессом у Андрея интереса не было, да и мочевого пузырь ощутило давил, так что спустя пару мгновений он тихо развернулся и двинулся в сторону лестницы. Ближайший свободный туалет был на другом этаже.

Когда Андрей вернулся, Танька уже восседала на месте – сидела за столом с выражением кошки, только что слупившей целую миску сметаны, а вот Пашки не было. Зато на его месте сидел Федюня, местный электрик, обладавший просто феноменальным чутьем на выпивку. Где бы ни намечалась пьянка, и какая бы компания там ни собиралась – можно было не сомневаться, рано или поздно там появится и Федюня. Вот и сейчас, Андрей сам лично видел, как Федюня после окончания рабочего дня уходил домой. Однако прошел час – и на тебе, Федюня тут как тут. Впрочем, электрик был типом незлобивым и не буйным, а за всякую халтурку, которая время от времени появлялась у любого арендатора, брал вполне по-божески, поэтому против его присутствия за столом у Андрея никаких принципиальных возражений не было. Тем более, что и проставлялся не он, а Степа. К тому же, как выяснилось, от присутствия Федюни для Андрея нарисовалась еще и непосредственная выгода, поскольку Степа именно ему сейчас втирал про «жигурдей» и «настоящих мужиков», на какое-то время отстав от Андрея. Так что у него появилась возможность слегка подзаправиться. Жрать после рабочего дня хотелось не по-детски, да и шанс сэкономить также упускать из виду не следовало. Хотя и небольшая экономия получалась – на полпакета с пельменями, но и то неплохо. Жизнь в Москве на съемной квартире – штука дорогая, и упускать возможность сэкономить рубль-другой не стоило. Ну а там, курочка по зернышку... Поэтому Андрей молча сел на свое место и, ухватив кусок булки, бросил на него колбасу, сыр и кружок помидора, после чего подхватил вилкой солидный комок корейской капустки и отправил его в рот, заев получившимся многоэтажным бутером. Девушка-готица, судя по всему, успевшая за время его отсутствия слегка насытиться и уже не метавшая все в рот со скоростью швейной машинки, окинула его уважительным взглядом, похоже, признавая «поедальцем» равным себе.

– Студентка? – лениво поинтересовался Андрей, управляясь с капустой и бутербродом и запивая все это соком «Добрый».

– Ага, – кивнула та и, улыбнувшись, пояснила: – только в пятницу к Степану Александровичу продащицей устроилась. Он с младшей сестрой моей мамы в школе учился, так что, когда я начала работу искать, тетя Катя ему и позвонила.

Хм, вот и объяснилось ее присутствие на сегодняшнем сабантуе. А Андрей-то голову ломал... Степа-то ко всяким там эмо, готам, панкам и иным молодежным субкультурам относился строго отрицательно.

– Дурь это все, Андрюха, – заявлял он, широко рубя воздух ладонью, – дурь и обзьянничанье. Они всем лапшу на уши вешают, мол, то, что они так рядятся, «подчеркивает их индивидуальность». А нет там ничего, что надо подчеркивать. Наоборот – сплошная униформа. Ну, как в армии. Так одет – свой, так – враг, а вот так – союзник. Вот и у них точно так же. И в голове такое же однообразие. С этими заговоришь – в голове сплошная манга, с другими – только о смерти подвывать способны, причем сами ни хрена в этом не разбираясь, перепевая чужие слова. Настоящие оловянные солдатики, блин! Ничего ни в голове, ни за душой нет – вот и пытаются к чему-то вычурному прислониться, чтоб совсем уж полной серостью себя не ощущать. Нет, чтобы своим развитием заняться...

В принципе, в словах Степы были свои резоны, но весь его пафос обесценивало то, что он сам тоже не являлся образцом развития. Впрочем, где таких найти-то? Сам Андрей, что ли, в чем-то образец? Ой, да не смешите меня! Нет, где-то к десятому-одиннадцатому классу все мы приходим в некое особое состояние, когда кажется, что жизнь принадлежит нам и что все мечты – просто будущая реальность. Причем очень скорая – лет пять-семь, не более... Так что самым сложным является выбор, что раньше взять – или подержанную «бэху», как у Арсена с соседнего подъезда, или яхту, не хуже, чем у Абрамовича. А потом, понемногу, иллюзии

всемогушества начинают развеиваться. И, как однажды сформулировал Степа, «в шестнадцать ты примеряешься к яхте Абрамовича, а в тридцать пять отчаянно интригуешь, пытаешься занять место старшего менеджера по продажам в салоне пластиковых окон». С этого уровня Андрей вроде как уже вырвался, но не так уж далеко. Да и не факт, что навсегда. Вон в две тысячи девятом бизнес едва не схлопнулся. Чудом год пережил. Реально на пустых макаронах сидел. И никто не может гарантировать, что ничто подобное в ближайшем будущем не повторится, а то и чего похуже. Наоборот, все вокруг, от приятелей-арендаторов, до маститых экономистов в «зомбоящике», в один голос твердят, что вот-вот и начнется куда большая жопа.

А впрочем, может, на самом деле то ощущение всемогушества в шестнадцать вовсе не иллюзия, а правда, только... потенциальная, что ли? Ну, есть же в медицине понятие «бриллиантовых минут», «золотого часа» и «серебряных суток». Может, и здесь так же?.. Есть у каждого человека в жизни такие вот «бриллиантовые года», которые и определяют – как он будет жить. Сумел из этих лет выжать максимум (нет, не только учебу, да и не столько, есть же множество компетенций, которые очень нужны человеку любой профессии, если он хочет занять в ней достойное положение – язык, приемы и навыки установления контактов и завязывания связей, аналитические способности и т. п.) – пожалуйста, примеряйся к яхте Абрамовича или, например, к космическому кораблю на Марс либо адронному коллайдеру – потому как этой жизни ничего не останется, кроме как предоставить это все в твое полное распоряжение. Растратил их на гульбища, ночные клубы или регулярный тяжелый «квас» с друзьями в общаге – интригуй за должность «старшего менеджера по продажам в салоне пластиковых окон» и ностальгируй в соцсетях насчет того, как «зажигал» во время веселой студенческой жизни. И завистливо ругай тех из своих однокашников, которые «стали сволочами», «прошли по головам» и «превратились в уродов». Впрочем, вполне возможно среди тех, кому ты будешь завидовать, таких будет действительно достаточно много, но вся беда в том, что в *твоем собственном неуспехе* не виноват ни один. Ты *сам* все это сделал со своей жизнью...

От этих мыслей захотелось выпить, что Андрей тут же и проделал. Но едва он поставил на стол опустевший пластиковый стаканчик и потянулся за закуской, как почувствовал странный озноб. А потом началось... Сначала стало как-то неудобно, нет, не холодно, а именно неудобно, и почти сразу по спине побежали мурашки, потом его бросило в жар, затем внезапно взбунтовался желудок, попытавшийся исторгнуть из себя все, что он весь вечер туда активно запихивал. Андрей зажал рот обеими руками, кляня свой организм за столь дикие выверты, для которых вроде бы не было никаких оснований, но тут же выяснилось, что не только он испытывает проблемы со здоровьем. Сидевшая слева девица-готица внезапно вскочила на ноги, дернулась и бурным фонтаном вывалила содержимое своего желудка прямо на стол. И почти сразу же ее примеру последовал Федюня, успевший, правда, отвернуться от стола и направивший свой «фонтан» на ближайшую витрину с радиоаппаратурой. Причем – с тыла. Так что четыре автомобильных радиостанции, зарядная станция и штук шесть переносных «Кенвудов» оказались основательно заблеваны.

– Бля... – растерянно пробормотал Степа и тут же приглушенно фыркнул, в свою очередь зажав себе рот обеими ладонями. Похоже, и у него съеденное вовсю рвалось наружу.

– Да что за нах?! – прорычал Пашка, растягивая кобуру и таща наружу служебный «Иж-71». Это у него было вроде условного рефлекса – если что не так, тут же хватался за оружие. Андрей, кстати, именно из-за этого был принципиальным противником идеи свободной продажи оружия. Ладно у Паши пистолет только в рабочее время, когда он, по большей части, трезв и адекватен, – а если станет всегда? Тучу ж народа перестреляет... И в этот момент воздух прямо над столом подернулся странной рябью, а затем сразу, без какого-то перехода, над столом возник белый, светящийся шар.

– Ой, мамочки! – взвизгнула Танька и, моментом слетев со стула, попыталась залезть под него, но тут же застряла. – Ой, лышенько! – заверещала она. И тут шар вспыхнул и резко рас-

ширился в диаметре, одновременно становясь почти прозрачным, настолько, что внутри него начали появляться какие-то странные фигуры. Все замерли, оцепенев, и только Пашка, сумевший, наконец, выдернуть из кобуры зацепившийся за ремешок цѣликом пистолет, и, облизав внезапно пересохшие губы, резко передернул затвор, загоняя патрон в патронник. Впрочем, Андрей не был уверен в том, что это было сознательное движение. Возможно, у Пашки просто так сильно тряслись руки, что все получилось само собой. Тут шар еще больше посветлел, так что неясные фигуры превратились в... инопланетян, одетых в скафандры, которые стояли вокруг какого-то странного, ярко светящегося устройства и внимательно смотрели на них. В руках у них было нечто, напоминающее оружие, но никто из этих инопланетян не делал никаких угрожающих жестов в сторону землян, да и стволы (или что там у них было) предметов, напоминающих оружие, так же не были направлены в сторону кого-то из гуляк. Впрочем, все это Андрей заметил как-то мимоходом, неосознанно, так как его охватила абсолютная оторопь. Все, что происходило... этого не могло быть. Подобной фигней страдают только всякие сумасшедшие. Об этом можно прочесть в какой-нибудь желтой газетке, которая у любого адекватного человека, к каковым и причислял себя Андрей, вызывает исключительно рвотные позывы. Это все сон, глюки, да-да, пьяные глюки. Ох, и нажрался же он, похоже...

Между тем, одна из фигур в шаре, контуры которого уже почти не просматривались, подняла руку и, что-то сделала со своим шлемом, отчего он открылся и, эдак, уполз вверх и в стороны, обнажив лицо, очень напоминающее обычное человеческое. Инопланетянин пристально взгляделся в Андрея, несколько мгновений подумал, потом перевел взгляд на Федюню, затем на Степу, после чего на сине-зеленую девицу-готицу и, в конце концов, снова уставился на Андрея. Тот похолодел. Похоже, попал... Инопланетянин, чуть приоткрыл рот, обнажив в улыбке... клыки!!! Ёпть, да это вампиры! А в следующее мгновение вампир вытянул руку, и Андрей почувствовал, как на него накатывает рокочущая волна, причем накатывает не снаружи, а изнутри, из черепа. Накатывает, оглушая и заставляя виски отдаваться острой болью. Он застонал и вскинул руки к вискам, но облегчения это не принесло. Наоборот, движение только усилило боль. Андрей со всхлипом вдохнул и повалился на пол, не увидев, как Паша, заорав что-то матерное, но очень уж нечленораздельное, принялся садить из своего «Ижа» в сторону пришельцев, панически, не целясь, просто направив ствол куда-то в ту сторону и высаживая пулю за пулей с той скоростью, на которую были способны его дрожащие руки. И уж тем более он не увидел, как белый шар (или, скорее, пузырь), став на мгновение видимым, скачком расширился, увеличившись в диаметре метров до семи-восьми и накрыв собой всех, находившихся в подсобке, а затем с громким звуком исчез, оставив после себя несколько круглых дыр со скошенными краями в тех местах пола и стен, в которых он их коснулся. А все, что оказалось внутри него в этот последний момент, исчезло вместе с ним...

2

Андрей очнулся от боли. Несколько мгновений он просто корчился, а потом желудок все-таки сделал то, что давно уже хотел сделать, и исторгнул из себя свое содержимое. Впрочем, как выяснилось опытным путем, содержимого в нем оказалось не так-то и много. Так что Андрея вытошнило какой-то слизью, которая, правда, прежде чем покинуть его организм, прошла не только через горло и рот, но еще и через ноздри. Это было мерзко... Но почему-то сразу после этого боль отступила. Хотя организм чувствовал себя препаршиво.

– Очнулся?

Андрей сделал судорожный вдох, понял, что не способен произнести ни слова, и просто молча мотнул головой. Какое очнулся – тут вообще выжить бы.

– На, глотни, – и ему в губы что-то ткнулось. Андрей, все так же не раскрывая глаз, нащупал зубами узкое горлышко и сделал судорожный глоток, после чего дико, до всхлипов и слез закашлялся. Пойло оказалась жутко крепким.

– Ничего-ничего, сейчас станет полегче, – успокоил все тот же голос. И действительно, спустя пару минут Андрей почувствовал, что ему становится лучше. Мутить почти перестало, прекратилась резь в глазах, правда сильно прошиб пот, но лучше уж так, чем как раньше. Он облегченно вздохнул и открыл глаза.

– Ну, вот и молодец, – удовлетворенно сказала ему женщина, одетая во что-то вроде скафандра, с огромными, в пол-лица, даже не глазами, а очами, самой бросающейся в глаза особенностью которых был вертикально вытянутый зрачок, а также с ярко-синей челкой, выбивающейся из-под обреза шлема. Но долго созерцать этот глюк Андрей не смог, потому что отвлекся на окружающую обстановку, которая выглядела не менее странной. Он сидел, вернее, полулежал на чем-то вроде коврика из вспененного полиуретана, прислонившись к стене, в небольшой пещере, скорее даже гроте. Причем этот грот ничем не напоминал обычные, а был похож на голливудские декорации к экранизации «Тысячи и одной ночи». Потому что потолок и стены грота ровным ковром покрывали разнообразные – от мелких, с ноготь или фалангу пальца, до огромных, чуть ли не в обхват, друзы каких-то странных кристаллов. И все это было исполнено так вычурно и гротескно, что ничего, кроме как декорации, на ум не приходило. Причем одним гротом все это буйство фантазии не ограничивалось. Через узкую щель виднелись скалы снаружи, на которых так же в живописном беспорядке были разбросаны подобные друзы, парочка из которых, к тому же, была таких размеров, что, пожалуй, способна была занять весь объем того грота, в котором они находились. Неба видно не было – все видимое пространство заполняли скалы, но снаружи явно было заметно светлее. Хотя и внутри грота так же было не слишком темно, поскольку некоторые друзы светились изнутри мягким синим, оранжевым, зеленым или золотистым светом. Короче, декорация – и все тут, потому как в реальности такого не бывает... Все это можно было принять за галлюцинацию, если бы не куча, лежащая в углу грота и состоявшая из обломков «поляны»: стульев со сломанными и обрезанными ножками, пустых бутылок и изгвазданных одноразовых тарелок. Не слишком характерно для голливудских декораций, не правда ли? Но самым явным признаком того, что это не декорация и не галлюцинация, было то, что кроме «инопланетян», выглядевших в подобных декорациях вполне себе в тему, тут же находились и шестеро землян – Степа, Федюня, Танька, обеими руками вцепившаяся в сидящего рядом с ней с обалделым видом Пашку, девица-готица и официантка Нина, свернувшаяся калачиком несколько поодаль от остальных. Вот уж их всех в этом месте никак быть не могло, если только...

– Где я? – хрипло выдавил Андрей.

– В Коме, – тихо произнесла стоявшая рядом с ним женщина-кошка с синими волосами... ну или кем там она была на самом деле.

– О, Андрюха, ты чего, по-ихнему говоришь? – внезапно оживился Степа, и только в этот момент до Андрея дошло, что все это время он вполне свободно общался с инопланетянкой, причем делал это на языке, который ничем не напоминал русский. Впрочем, английский и испанский тоже. А более никаких языков Андрей не знал. Да и английский и испанский так же не слишком, как он это для себя определял: «На уровне ресторана и ресепшена».

– Ну да... – ошеломленно отозвался он, а затем обалдело спросил: – А как это я?

– Да кто ж знает-то? – устало произнес Сергей. – Ты один был в отключке, когда нас в эту хрень затянуло. Нет, Натаха тоже вырубилась, но уже потом, а тебя еще дома чем-то приложило. Может, из-за этого?

Андрей пожал плечами: может быть и так... но зачем гадать, если можно спросить? И, повернувшись к женщине с кошачьими глазами, он спросил:

– Почему я понимаю ваш язык?

– Это Слийр, – она повернулась и указала на единственного из «инопланетян», лежавшего у стены на таком же, как и у Андрея, коврике, вместо того чтобы стоять и, как это наверное называется у военных, «контролировать периметр», чем занимались все остальные. – Он как раз начал грузить тебе язык, чтобы можно было установить контакт, когда один из вас, – легкий кивок в сторону Пашки, – помешал. Он, видимо, применил какое-то кинетическое оружие, повредив им порталный проектор. А Слийр попал под откат от схлопывания портала. Из-за передачи языка он был полностью открыт в тот момент. Но ты молодец, похоже, сумел-таки принять и распаковать весь пакет, – она ободряюще улыбнулась.

– Какой пакет? – не понял Андрей. Его совершенно не тянуло улыбаться.

– Языковой, – все так же непонятно пояснила инопланетянка. – Если вы не знаете – человек мыслит понятиями и образами, а не текстом. При достаточном уровне развития лингвистического аппарата достаточно просто подгрузить в мозг массив образно-понятийных и лингвистических связей другого языка. В этом случае подгруженные образы и понятия имеют возможность достаточно быстро согласоваться с реперными, причем, чем более развиты мозг и лингвистический аппарат, тем быстрее происходит согласование, ну а освоение языка происходит уже автоматически. Это самая простая и быстрая технология освоения чужого языка из тех, что я знаю. Понятно?

– Ага, – тупо отозвался на эту пространную речь Андрей. На самом деле он ничего не понял, кроме того, что может говорить на инопланетном языке, причем для самих инопланетян подобное вполне привычно. Но сейчас его меньше всего волновали чудесные инопланетные технологии. Однако женщина слегка нахмурилась и предприняла еще одну попытку объяснения:

– Смотри, если в мозг подгружается сразу и язык, и образно-понятийный аппарат, то изучить язык оказывается достаточно просто. Ведь, скажем, образ стола или, там, понятие бега во всех языках близки или вообще одинаковы. Поэтому подгруженный образ очень быстро сливается с тем, что уже был у тебя в мозгу. Ну а на следующем шаге происходит синхронизация слов: ты не учишь слова на лингике, а просто в какой-то момент, после того как состоится согласование, начинаешь *знать*, как звучит на нем слово «стол». То есть твой мозг сам подбирает наиболее близкую ассоциацию. Хотя речевой аппарат требует некоторой подстройки. Горло болит?

– Да, – обалдело отозвался Андрей, до которого лишь теперь дошло, что он не только понимал, но и заправски болтал на совершенно незнакомом ему языке.

– И губы тоже, – согласно кивнула женщина. – Более того, щеки и челюсти также будут немного болеть. Просто твои челюстные связки и мускулы твоего речевого аппарата пока еще не привыкли к артикуляции лингика. Но это недолго, дня три-четыре – и все пройдет. Понятно?

– Угу, – кивнул Андрей, а затем задал самый животрепещущий вопрос: – А вы кто?

– Команда «Ташель», – спокойно сообщила ему женщина с кошачьими глазами.

– Ага, – снова тупо поддакнул Андрей, а затем снова спросил: – А это что?

Женщина улыбнулась. К его удивлению, никаких вампирьих клыков, как у валявшегося у стены Слийра – кажется, эта женщина-кошка обозвала товарища именно так, – у нее во рту не оказалось. Впрочем, может быть и у того они ему просто почудились.

– Знаешь, поскольку ты единственный, кто может нас понять, я тебе сейчас сообщу некую информацию, которую ты должен будешь передать своим соплеменникам. После этого я готова ответить на некоторое количество ваших вопросов. Но небольшое. Потому что это – одиннадцатый горизонт Кома... – в этот момент их разговор был прерван самым беспардонным образом. Татьяна, сидевшая вцепившись в Пашку, внезапно осознала, что Андрей явно осмысленно беседует с одним «инопланетянином», и тут жеотреагировала вполне стандартно. Для нее. Ну, есть такие люди, которые твердо уверены в том, что все вокруг им должны, и они на все имеют право, так что самое главное – это как можно громче и категоричней настоять на своем.

– Эй, ты! Скажи этим уродам, чтобы они нас обратно отправили. Немедленно. А то я в мили... то есть в полицию пожалуюсь. А то и вообще... – Татьяна воинственно махнула пухлым стиснутым кулачком: – Самому Путину, вот!

Андрей решил было пропустить это воинственное заявление мимо ушей, но инопланетянка спросила:

– Она требует вернуть вас обратно?

– Да.

Женщина с кошачьими глазами отрицательно качнула головой:

– К сожалению, это невозможно.

– Почему? – спросил Андрей мгновенно пересохшими губами.

– Мы договорились о том, что я дам тебе информацию, а на вопросы буду отвечать потом, не так ли?

– Ну... да.

– Тогда приготовься слушать. Только сначала сообщи своим землякам о том, о чем мы с тобой договорились. А то они могут начать делать глупости.

– Сейчас... – Андрей развернулся к остальным землякам и коротко пересказал им все, что уже успел узнать. Потом несколько сумбурно ответил на вопрос, почему это он понимает остальных инопланетян, а другие нет, затем минут пятнадцать отбивался от наскоков Таньки, требовавшей не «с этими иродами лясы точить», а немедленно «возвернуть всех обратно», и лишь затем снова вернулся к женщине с кошачьими глазами. Все это время «инопланетяне» вели себя очень спокойно, если не сказать заторможенно.

– Ты готов слушать? – уточнила у него его собеседница.

– Да, готов.

– Хорошо. Итак – коротко. Мы – порталный конвой. Наша задача была сопроводить команду порталной группы исследовательской лаборатории торговой лиги «Сашшисас» на одиннадцатый горизонт Кома и достигнуть точки W1Q'22S#177J. Исследовательская лаборатория «Сашшисас» засекала в этой точке возмущения вероятностного пробоя, вследствие чего появилась возможность установления здесь стабильного портала. И мы сюда дошли. С потерями. Из состава порталной группы уцелел только Слийр, руководитель группы, наша команда также потеряла шестерых. А это много, можешь мне поверить. Но, одиннадцатый горизонт – это одиннадцатый горизонт. Тут ничего не поделаешь... Так вот, мы достигли точки W1Q'22S#177J, установили порталный проектор, и Слийр открыл портал в ваш мир. Дальше все должно было быть стандартно – контакт с аборигенами, выбор объекта для закидки языкового пакета, установление через него контакта с местными властями – и через некоторое время у торговой лиги «Сашшисас» появляется новая фактория. Все привычно и никаких проблем. Только в нашем секторе Кома имеется около одиннадцати тысяч порталов к факториям, и каж-

дый из них в свое время был открыт примерно так же. Но... – женщина-кошка на мгновение замолчала, нахмутив брови, а затем, вздохнув, продолжила: – все пошло наперекосяк. Один из вас применил малоэнергетическое кинетическое оружие. Причем в очень неприятном диапазоне энергий – менее двухсот пятидесяти джоулей. Все опасное на этих горизонтах Кома атакует с куда большей энергией, поэтому энергетическая защита включается при атаке мощностью не менее чем в триста джоулей, а собственная конструктивная прочность проектора способна противостоять воздействию с энергией не более чем в сто пятьдесят джоулей. Так что ваше оружие попало как раз в критический разрыв и сумело повредить, или даже полностью вывести из строя проектор. Точно никто из нас сказать не может, а Слийр в отключке. Короче, сейчас мы отрезаны от вашего мира, – она замолчала. Андрей некоторое время переваривал полученную информацию, а затем осторожно спросил:

– То есть мы здесь застряли?

– Да.

– А вы не можете сходить за новым проектором?

– Нет, – мотнула головой женщина с кошачьими глазами. – То есть теоретически это возможно, но в Самиельбурге, это ближайшее к нам поселение Кома, проектора нет. И на доставку его потребуется не менее двадцати дней. Если еще кому-то придет в голову отправить его в Самиельбург, в чем я очень сильно сомневаюсь. Да это и бесполезно, скорее всего.

Андрей снова задумался, осмысливая новую порцию информации.

– То есть вы больше не собираетесь открывать портал и основывать факторию?

– Мы и не можем этого сделать. Команда «Тишель» – только конвой. Открывать портал и основывать факторию планировала торговая лига «Сашшисас». А из их порталной группы никого не осталось. Слийр – без сознания, и я не уверена, что он скоро придет в себя. Да даже если и придет – никто не может дать гарантий, что точка W1Q'22S#177Л еще находится в возбужденном состоянии и отсюда можно пробить портал в ваш мир. Скорее всего, при схлопывании портала накопившееся напряжение оказалось сброшено, и теперь открытие портала в ваш мир стало невозможным. Совсем или, как минимум, на очень долгое время.

– То есть мы застряли здесь, на этом вашем долбаном Кома, навсегда? – не сдержавшись вскрикнул Андрей. Женщина с кошачьими глазами молча кивнула. А затем жестко закончила:

– Да. Причем сейчас мы находимся на одиннадцатом горизонте Кома. И даже если не упоминать тварей, концентрация *хасса* убьет вас через дюжину дней сама по себе, – она сделала паузу, окинула Андрея взглядом, как бы проверяя, насколько он понял все, что она ему только что рассказала, а затем закончила: – Я хочу, чтобы ты рассказал все это своим землякам, – после чего отвернулась и отошла. Андрей некоторое время сидел, ошарашенно уставившись в одну точку, а затем поднялся и двинулся в сторону остальных.

Новость о том, что они здесь застряли, причем даже само это место еще и до кучи является некой жопой, в которой им точно не выжить, привела всех землян в шоковое состояние. Танька сначала завывала, а потом бросилась к «инопланетянам» и начала орать, что она этого так не оставит, что они зря надеются, что им все сойдет с рук, что она до самого президента дойдет, если надо, а то и куда повыше – в Страсбург или вообще в ООН пожалуется. Федюня отреагировал как-то заторможенно, только попросил Андрея уточнить «у энтих», нет ли у них выпить. А то, мол, такая новость насухую – это верх садизма. Пашка, узнав, что он является невольным виновником случившейся жопы, впал в ступор. Девушка-готица свалилась в тихую истерику, повторяя:

– Это я, это все я, я всегда хотела уйти, убежать, поменять свою жизнь. Мне было скучно, мне было тоскливо. Это все я, я. Я мечтала покинуть наш мир. Это все из-за меня. Это все я... – и все такое прочее. Степа же просто сидел, уставя взгляд в одну точку и мотая головой. Однако минут через десять он встал и, подойдя к Андрею, спросил:

– А чего они нам предлагают-то?

Андрей пожал плечами:

– Не знаю, – и поднялся. – Сейчас спрошу.

Однако едва он приблизился к «инопланетянам», как к нему кинулась раскрасневшаяся, вздыбленная Танька и, ухватив за грудки, начала орать, брызжа в лицо слюной:

– Ну, ты, козел, а ну быстро скажи, пусть вертают нас обратно! Ну чего стоишь-то как хреном ударенный, сволочь! А ну давай... – но закончить мысль о том, что Андрей должен ей дать, она не успела. Ее тело внезапно свело судорогой, глаза вытаращились, рот скорчился в дикой гримасе, а затем она тихо даже не завывала, а закряхтела и обвисла. Андрей испуганно схватил ее за плечи.

– Танька, ты что? Что с тобой?

– Положи ее, пусть придет в себя.

– А? – Андрей развернулся и уставился на женщину с кошачьими глазами.

– Ты шел ко мне? Хотел что-то спросить?

– Э-э... да.

– Тогда положи ее и давай отойдем. Пока она приходит в себя – задашь мне свои вопросы.

– Но...

– С ней ничего не случится.

Андрей начал наклоняться, аккуратно укладывая Таньку на каменистый пол грота, но тут же замер, ошарашенно уставившись на собеседницу:

– Так это вы ее?

– Да, – спокойно отозвалась «инопланетянка», – она мешала. Ей указали на ошибку в поведении.

– Но...

– Ты собираешься задавать вопросы?

– Да, но...

– Если нет – мы уходим.

– Как это? – Андрей вытаращил глаза. – А мы?

На это женщина с кошачьими глазами ничего не ответила, а просто развернулась на месте и двинулась к тому самому коврику из чего-то вроде пенополиуретана, на котором Андрей очнулся.

– Итак, что вы решили? – спокойно спросила «инопланетянка», усаживаясь на коврик.

– То есть как это, мы?

На крайне малоподвижном лице женщины отразилось удивление:

– А кто?

– Но... это... мы, вроде, из-за вас же... – путано начал Андрей, а потом замолчал, вспомнив все, что она ему рассказала, и взглянул на это под другим углом. Они – охрана, конвой. Виновные... ну, или те, кого можно было обвинить в открытии портала и во всем, что с ними произошло, либо убиты, либо в отключке. Впрочем, где-то, вероятно, были еще и боссы, а, может, и «международная общественность», которую можно было бы поднять на борьбу «за цинично и бесчеловечно попранные неотъемлемые права человека», но до них надо еще добраться. Да и есть ли здесь такая общественность? В конце концов, тот факт, что в этом самом пока загадочном «секторе Кома» имеется одиннадцать тысяч факторий, явно должен указывать на то, что процедура открытия портала и дальнейших действий стандартна, а все претензии местных уже отработано идут лесом. Даже претензии на государственном уровне. Иначе для открытия портала посылали бы не группу из... Андрей окинул взглядом грот, в наличии имелось семеро «инопланетян»... значит где-то полтора десятков особей, передвигающихся пешим ходом, а куда более представительную делегацию. И с серьезной поддержкой.

Ладно, у них пока нет почти никакой информации о местных реалиях, поэтому какие-то планы строить бессмысленно. А вот собрать побольше информации жизненно необходимо.

– А что вы можете предложить? – осторожно спросил он.

– Я рассчитывала, что вы обсудите сложившееся положение и сами предложите варианты. Но раз этого не случилось... Если Слийр быстро не придет в себя – мы отправляемся в Самиельбург. Если хотите – можете идти с нами. Мы готовы поделиться пищей и водой, ну и, естественно, будем оборонять вас от тварей Кома. Это для вас единственный шанс остаться в живых. Но взамен я потребую абсолютного повиновения. И вы понесете Слийра, освободив моих бойцов для отражения атак. Так у нас всех будет больше шансов выжить. Если не согласны – разбирайтесь сами, – ее голос был спокоен, сух и деловит.

– Я должен рассказать о вашем предложении моим... моим... – Андрей запнулся, не зная, как сформулировать отношение к остальным. Друзья? Так нет, если только Степа, да и то не факт, скорее, просто приятель. Сослуживцы – опять мимо? Соратники – и где это они вместе ратились-то? – Короче, остальным.

– Хорошо, – коротко ответила женщина.

К удивлению Андрея, земляне пришли к согласию довольно быстро. Причем, похоже, определяющим моментом в достижении подобного результата явился как раз инцидент с Танькой. Ему-то, стоящему к ней вплотную, было не видно, что произошло, зато все остальные отлично разглядели, как женщина-командир просто вытянула руку в сторону Таньки, и та забилась в судорогах. Впрочем, оклемалась она довольно быстро – Андрей еще в тот момент продолжал разговаривать с «инопланетянкой». Однако все произошедшее с ней, похоже, произвело на «гарну дивчину» столь сильное впечатление, что все то время, пока они обсуждали предложение лидера команды «Ташель», Танька просидела молча. К вящему облегчению остальных, как понял Андрей, уловив взгляды, которые те бросали на нее. Поскольку никаких других идей ни у кого из «попаданцев» не возникло, было принято решение согласиться с предложением «инопланетян», о чем Андрею и поручили их уведомить.

В путь тронулись спустя минут двадцать. Слийр оказался весьма тяжелым, со всем своим снаряжением он весил килограммов под сто пятьдесят, но, слава богу, у команды «Ташель» имелись носилки. Ну не совсем, поскольку они имели нечто вроде салазок, которые к тому же не волоклись по камням, а вроде как парили над ними. После того как их собрали и загрузили на них «инопланетянина», Андрей не удержался и спросил:

– Антигравитация?

– *Хасса*, – коротко ответила его собеседница. После чего кивнула ему подбородком на носилки и двинулась в сторону входного проема, ведущего из грота наружу... где бы это «наружу» ни было.

Несмотря на то что носилки вроде как волокли, а не несли, делать это оказалось не так-то просто. Их маршрут пролегал по горной тропе, заваленной массой скальных обломков, вследствие чего постоянно приходилось продергивать носилки через всякие узости, завалы и тому подобное, да и общий вес никуда не делся. Так что спустя три часа все земляне уже основательно умотались.

– Слышь, Андрюха, а похоже эти, – зашептал ему Федюня, с болезненным видом потиравший локоть, которым приложился, перетаскивая носилки через завал, – тебе пургу гнали.

– То есть?

– Ну, ты ж говорил, что они тут тебе все уши прожужжали насчет того, что нам всем здесь смерть.

– Ну да.

– Чё ну да-то? Три часа уже идем – и хоть бы кто дернулся. Идут себе – в ус не дуют, а мы тут – надрывайся. Ой, надули они нас, развели, как лохов.

– Как развели-то? – шумно дыша, ворчливо спросил Степа.

– Так ведь мы пашем-пашем, а они вон – идут себе спокойненько и в ус не дуют, – снова повторил Федюня.

– Они не в ус не дуют, – встрял Паша, – а периметр контролируют, голова ты садовая – нас защищают.

– И от кого это? – ехидно сморщился Федюня, но сразу же, не удержав свой угол носилок, получил рукояткой по ребрам. – Ах ты ж, зараза! Все, хватит – перекур. Да и пожрать охота. Андрюх, они нам там пожрать поделить обещали, скажи этой своей – пусть дадут. И выпить чего, а то еб...л я такие приключения насухую!

Их маленькая колонна остановилась. «Инопланетяне» тоже. Но, к удивлению Андрея, никто из них не стал возмущаться или как-то настаивать на продолжении движения. Они просто слегка оттянулись в стороны и присели на корточки, настороженно всматриваясь в окружающую дымку и держа оружие наготове. Нет, ну не было у Андрея впечатления, что они просто развели землян, как об этом заявил Федюня. Они чего-то явно опасались. И потому нервничали. Причем чем дальше, тем больше.

Андрей помог остальным устроить носилки так, чтобы они стояли без поддержки, но относительно ровно, и подошел к женщине с глазами кошки.

– Извините... не подскажете, как к вам можно обращаться?

– Мой позывной – Иллис, – спокойно ответила она, – можешь обращаться ко мне так.

– Ага, спасибо. Почему мы остановились?

– Остановились – вы, а я решила, что можно сделать небольшой привал. Дальше будет еще более трудный участок, так что немного отдохнуть не помешает.

– Понятно... наши люди интересуются, как насчет немного перекусить.

Иллис ничего не ответила, но один из «инопланетян», самый здоровый из них, поднялся на ноги и, подойдя к землянам, скинул с плеч нечто вроде рюкзака. Раскрыв его, он достал какой-то плотно упакованный пакет и распорол его выдвинувшимся из накладки на предплечье лезвием. Из вскрытой упаковки вывалилось с дюжину плоских прямоугольных пакетиков. «Инопланетянин» по очереди взял каждый из них и что-то сделал, после чего пакеты начинали шипеть и увеличиваться в размерах.

– Это – полевые пайки второй категории. Их калорийность рассчитана на тяжелые полевые условия. Вам они должны подойти.

Андрей дернулся. Ну да, это ж совершенно инопланетная еда! Совместима ли она с их родным земным метаболизмом?

– А-а... это точно?

– Подавляющее большинство представителей разных рас и цивилизаций, контактирующих в Коме, способно употреблять пищу друг друга без каких бы то ни было вредных последствий, а так же скрещиваться между собой и использовать кровь и донорские органы. Исключения, конечно, есть, но не абсолютные, а частичные. Скажем, аклумцы не способны употреблять кларианский оссеш, это национальное блюдо кларианцев, он вызывает у них рвоту и судороги, но полевые пайки специально разрабатывались с максимально широкой адаптацией. Так что шанс на то, что вам не подойдет, – минимален.

– Ага, понятно, – Андрей покосился на земляков, которые не заморачивались всякими мнимыми опасностями, а уже вскрыли пайки и принялись со вкусом уминать их. Есть хотелось, но еще больше хотелось хоть немного разобраться, во что же они вляпались. Поэтому он снова развернулся к Иллис и осторожно спросил:

– Мне можно задать еще несколько вопросов?

Та наклонила голову:

– Спрашивай.

Андрей на мгновение задумался. Вопросов просто море, с какого начать? Кто знает, сколько продолжится привал? И на сколько вопросов она успеет или согласится ему ответить? Ладно, попробуем...

– Что такое Ком?

– Самая большая задница во всех известных вселенных.

– Вселенных? – удивился Андрей. – То есть их несколько?

– По одной из теорий Ком как раз и есть то место, где сходятся несколько Вселенных. Или даже проникают друг в друга. Но это всего одна теория, а я слышала их еще не меньше дюжины. И, заметь, специально я ими не интересовалась, – она замолчала, продолжая спокойно смотреть на землянина.

– А... что такое хасса?

– С ним тоже все очень неясно. Энергия. Сила. Первооснова. Он есть везде, даже в абсолютном вакууме. Но разница в его концентрации в Коме и, скажем, на обычной планете, достигает тысяч, а то и десятков тысяч порядков. Вследствие этого, к примеру, люди, овладевшие *хасса* на третьем и более высоких уровнях, не могут жить в техногенном окружении, поскольку их организм самопроизвольно вытягивает *хасса* из всего, что их окружает. Поэтому любые приборы, устройства и механизмы, не защищенные специально, в их присутствии прекращают функционировать.

Черт, ни хрена яснее не стало.

– А... сколько нам идти до Самиельбурга?

– Не знаю.

– Как это? – удивился Андрей. Женщина слегка нахмурилась:

– Это – одиннадцатый горизонт Кома. Здесь ни в чем нельзя быть уверенным. Скорее всего, мы вообще не дойдем до поселения. Мы сумели добраться до точки W1Q'22S#177Л во многом потому, что с нами был Слийр. Он владеет *хасса* на шестом уровне, а в нашей команде самой сильной была я, и у меня всего четвертый. Так что без него обратный путь становится на порядок опаснее. К тому же у меня осталось всего шесть бойцов, а из-за наличия вас и того, что Слийра приходится волочить, мы крайне ограничены в маневре, возможностях маскировки и скорости передвижения.

После того как она замолчала, Андрей некоторое время сидел в полном ошеломлении.

– То есть, мы обречены?

– Да, – спокойно кивнула лидер команды «Ташель».

– Но... зачем тогда нам куда-то идти?

– Мы – бродники, – все так же спокойно ответила Иллис, – и мы не привыкли просто ожидать гибели, покорно сложив лапки. К тому же всегда есть надежда на чудо.

– На какое?

Собеседница Андрея пожала плечами:

– Мы можем наткнуться на торговый конвой. Некоторые порталы к факториям расположены даже ниже одиннадцатого горизонта, а начиная с седьмого их становится достаточно много... Можем встретить рейдовый отряд или такой же экспедиционный конвой, как мы, но в, так сказать, несколько менее потрепанном состоянии. А еще нам может просто повезти, и мы дойдем сами.

– И каковы наши шансы? – оживился Андрей.

Лидер команды «Ташель» пожала плечами:

– Не знаю. Сложно рассчитать. Может, один к миллиону.

Андрей едва удержался, чтобы не присвистнуть. Да уж, оптимистично...

– А-а... если нам повезет – за сколько мы сможем добраться до Самиельбурга?

– Самое быстрое за пять-шесть ски.

– Чего? – до сего момента все было понятно, но сейчас он впервые услышал незнакомое слово. Хотя, похоже, его собеседница поняла, что произошло.

– У вас есть единица, обозначающая промежуток времени примерно равный одному вздоху?

– Ну... да, секунда.

– У нас она называется дирс. Десять дирсов составляют аск, десять асков – орм, десять ормов – лук, десять луков – нис, ну а десять нисов уже составляют ски. Ски – это время одного полного цикла, то есть за ски люди обычно успевают поработать, отдохнуть, выспаться и так далее.

Андрей молча кивнул. Понятненько, ски – это местные сутки. Но вместо троичного деления на часы, минуты и секунды они имеют пятеричное – на нис, лук, орм, аск и дирс. Да уж, черт ногу сломит... Но это для них, землян. А для кого-то вполне привычное им деление, когда сутки делятся на двадцать четыре часа, а те, почему-то, уже на шестьдесят минут, ну а минуты на столько же секунд, хотя, скажем, земные же меры веса и расстояния имеют десятичное деление, в свою очередь может показаться верхом идиотизма... Но не в этом дело. До сего момента он вполне спокойно общался с лидером команды «Ташель», не испытывая никаких затруднений. Ну кроме того, что немного побаливали горло и губы от непривычной артикуляции. А тут такой прокол – незнакомое слово и никаких ассоциаций. Впрочем... возможно дело в том, что образы и понятия – штука очень вариативная. Скажем, возьмем «стол». Стол – он и есть стол. Но вот какая штука, столов-то – тучева хуча. Разных. Стол в их институтской столовой, стол в кафешке, в которой работает Наташка, и стол в кабинете декана – это все столы, но очень непохожие друг на друга. А если, скажем, в Яндекске набрать что-то типа «стол фото», так он тебе скинет сотни тысяч, если не миллионы ссылок. И убей бог, совпадений будет не так-то и много. Тем не менее, при взгляде почти на любой стол, сколь бы вычурным и... это... креативным он ни был, мы всегда четко знаем, что это стол. А вот единицы измерения, все равно чего – времени, расстояния, веса и так далее, наоборот – очень конкретны. Да уж, похоже, языковой пакет – не абсолютизм, и самому тоже придется постараться. И... сколько там пять-шесть ски в сутках получается? Так, в сутках у нас... 86 400 секунд, а этих дирсов в их ски – ровно 100 000. Значит, получается... где-то шесть-семь суток. Ну если, конечно, наши секунды не так уж сильно отличаются от их дирсов. Все-таки один вздох – величина очень приблизительная, и, соответственно, отличие дирса от секунды может быть в разы в ту или другую сторону. Ну да ладно, не до этого сейчас...

– Значит, мы доберемся до Самиельбурга за пять-шесть ски? – уточнил он у женщины с кошачьими глазами.

– Нет.

Андрей удивленно воззрился на нее.

– Но ты ж... а, понял-понял, ладно. Но вот что я хотел спросить: что бы ты нам посоветовала делать, когда... ну, то есть, если мы доберемся до поселения?

– Тебе?

– Ну, нет, нам всем, семерым.

– Семерым? Разойтись в стороны и каждому заняться тем, на что он способен. И лишь потом, когда вы поймете, что уже способны выжить в Коме, можете, если захотите, встретиться и поговорить о дальнейших планах. Ну, те, кто выживет, конечно, – с этими слова она поднялась на ноги. Причем не одна. Все «инопланетяне» сделали это одновременно. Ой, прав, Степа, как-то они между собой переговариваются.

– Все, пора идти. Тебе придется поесть на ходу.

И они двинулись.

3

После первого привала они двигались еще часа два. Причем эти два часа им дались куда как тяжелее, чем первый переход. Дорога действительно стала заметно хуже, так что скорость движения снизилась, а стоны Федюни стали совсем невыносимы.

Когда объявили об очередном привале, Андрей уже готов был просто бросить тушку Слийра и рухнуть на камни. Проклятый «инопланетянин», казалось, прибавил в весе раз в сто. Тем более, что женщины выбились из сил уже давно, так что последний час Слийра тащили исключительно мужчины. Однако долго полежать ему не дали. Едва он успел чуть отдышаться, как к нему подполз Степа.

– Давай, Андрюх, иди.

– Да дай хоть чуть передохнуть, черт неугомонный! – простонал Андрей.

– Вот и передохнешь заодно. Чай, языком молоть – не этого типа волочь. А нам сейчас край нужна информация. Любая. Что-то мне это место совсем непонятное.

– А кому понятное-то? – устало огрызнулся Андрей. И действительно, за те несколько часов, что они провели здесь, он, например, так и не понял, где они реально находятся. Термин «одиннадцатый горизонт» ассоциировался с неким искусственным сооружением, например, гигантской космической станцией, объяснение же Иллис больше подходило, наоборот, природному образованию – планете, крупному планетоиду или чему-то подобному. Но то, что они наблюдали вокруг, не подходило ни одному, ни другому. Вокруг были горы... наверное... или скалы... Вроде как тогда получается планета. Но тогда где освещающая ее звезда и вообще небо? Ничего похожего на это не было и в помине. А вот скальный потолок был. Вроде как. Ибо в воздухе висела какая-то непонятная дымка, ограничивающая видимость где-то километром. Может, чуть больше. Точно замерить они все равно были не в состоянии. То есть вблизи она никак не ощущалась. Где-то на расстоянии метров в пятьдесят-семьдесят все было видно достаточно четко и ясно, а вот потом скалы, усеянные друзами кристаллов, начинали слегка расплываться. И чем дальше, тем больше. Так что где-то через километр ничего, кроме дымки, разглядеть было нельзя. Причем на протяжении всех пяти часов дымка никак не менялась, не становясь ни гуще, ни прозрачней. А пару раз сверху сквозь дымку проступило нечто, что Андрей идентифицировал именно как скальный потолок. Но пещера с высотой свода в километр... Или это какой-то обман зрения?

– Поэтому ты там не только о текущей конкретике поспрашай, а и вообще... Ну ты понял.

– Да, понял, понял, – вздохнув, отозвался Андрей и, кряхтя, поднялся на ноги. Но двинуться в сторону своей уже привычной собеседницы так и не успел. Потому что она подошла к ним сама.

– Андрей, попроси своих земляков выпить это, – произнесла она своим обычным спокойным тоном и протянула ему несколько... ну, больше всего это напоминало банки с энергетиками типа всяких там «Red bull», «Adrenaline Rush» или «Burn». Только чуть меньше размером и более округлые.

– Что это?

– Энергетики. Они помогут вам восстановить силы.

– Так мы пойдем дальше? – со стоном протянул землянин.

– Да. Похоже, волна от схлопывания портала оказалась очень сильной, и местные твари на некоторое время оказались оглушенными. Я думала, что к настоящему моменту мы потеряем как минимум пару бойцов, но нам немыслимо везет. Поэтому у нас появился шанс добраться до перехода на десятый горизонт без серьезных потерь. Но только в том случае, если мы потопимся.

– Понятно, – кивнул Андрей, – сейчас раздам нашим. Как быстро это подействует?

– Максимум через лук. Вернее, первые признаки будут уже через орм, но полностью он усвоится организмом где-то через лук. Тогда и двинемся.

– Понятно, – кивнул Андрей, – но... тогда можно потом, когда раздам, задать еще несколько вопросов?

– Да, потом, как все выпьют.

Раздав землянам банки... ну, или капсулы с энергетиком, и объяснив что это, Андрей вернулся к Иллис, оставив Степу и Пашку разбираться с уже оклемавшейся и потому сразу же заскандалившей Танькой, заявившей, что «эту дрянь» она «в рот не возьмет». Свою порцию он высосал сразу же, так что уже на обратном пути к Иллис почувствовал себя заметно бодрее.

– Скажи, а вы – коренные жители Кома?

– В Коме пока никто не встретил коренных разумных жителей. Вернее, не так. Большинство тварей Кома, встречающихся ниже четвертого горизонта, вполне себе разумны и очень коварны. Но весь их разум направлен только на одно – на уничтожение чужаков. То есть – нас. Люди же здесь жить не могут. Такая концентрация *хасса* блокирует у нас репродуктивную функцию, так что мы не можем здесь размножаться. А без этого, сам понимаешь, существование устойчивой популяции невозможно.

– Понятно, – Андрей задумался, чего бы еще спросить. – Слушай, а кроме людей во вселенной... вернее, вообще в известных вам вселенных, существуют какие-нибудь разумные существа?

– Не люди?

– Да.

Бродница пожала плечами:

– Не знаю, может быть. Я как-то не особенно интересуюсь тем, что происходит за пределами Кома.

– А в Коме?

– В Коме кроме людей разумных извне нет.

– А... – Андрей запнулся, на ходу переформулируя вопрос, потому что испугался того, что, сказав все в первоначальном варианте, он может разозлить собеседницу, – ...люди с разных... с разных мест, они сильно отличаются друг от друга?

– Смотря с чем сравнивать. Если брать в качестве выборки только людей – то да, сильно, а если всю имеющуюся в известных вселенных жизнь – то почти никак. Люди на этом фоне кажутся почти одинаковыми. К тому же концентрация *хасса* здесь, в Коме, так же меняет нас. Когда я сюда прибыла, у меня были совершенно обычные глаза, ну как у тебя, а потом...

– Ага, – Андрей понимающе кивнул. Значит это не расовый признак, а индивидуальная мутация. Понятненько.

– ...потом они изменились и стали как у кларианцев. Хотя никто даже с большого бодуна не примет меня за кларианку. Но в Коме такое не редкость.

Вот, черт, значит и расовый признак тоже! Интересно, а удлинённые остроконечные ушки у них тут встречаются? О, боже, о какой ерунде я тут думаю...

Андрей пару минут посидел, формулируя новый вопрос, а потом осторожно спросил:

– Слушай, а почему вы отправились для открытия портала такими малыми силами?

«Инопланетянка» удивленно уставилась на него.

– Опытная команда в двенадцать бойцов сопровождения на четыре охраняемых персоны, это малые силы? Обычно столько нанимают для охраны торгового каравана. Если он, конечно, не претендует на шестнадцатый горизонт к фактории «Ползенсторм». Но там нашей команде делать нечего. Там мы всего лишь мясо.

Андрей замер, ибо впервые уловил в ее сухом и абсолютно спокойном голосе признаки хоть какой-то эмоции. Ему показалось, что в ее голосе промелькнули нотки горечи.

– То есть сплоченная команда в дюжину бойцов в Коме – сила?

– Сплоченная команда в дюжину бойцов, владеющих *хасса* на третьем-четвертом уровне и с соответствующим снаряжением, это, несомненно, сила. На соответствующих горизонтах естественно, но одиннадцатый в эти соответствующие входит. А вот если у бойцов будет второй и меньше уровни владения *хасса* – то я не советовала бы им соваться ниже четвертого, максимум пятого горизонтов, даже если их будет десять тысяч. Схарчат – и не заметят.

– Понятненько, – протянул Андрей. – А боевая техника и все такое?

– В Ко́ме? – судя по тем ноткам удивления, которые уловил Андрей, применению боевой техники и всего такого в Ко́ме существовали некие непреодолимые и всем известные препятствия. Ладно, позже разберемся. Но в этом случае непонятно, о какой торговле может идти речь. Если торговые караваны здесь сопровождаются всего дюжиной бойцов, но при этом никакой техники при передвижениях по Ко́му не используется, то сколько же товаров способны перемещать подобные караваны? И что это за товары?

– Слушай, а что покупается и продается в факториях?

– Закупают там в основном местные, присущие только тому миру, в котором находятся фактории, наборы ДНК.

– Как это?

– Растения, животные, продукты питания и все такое прочее. В принципе, главное – получить образец. Восемьдесят процентов образцов можно сдублировать с высокой степенью достоверности. Но где-то двадцать – дублированию не поддаются. Так что их приходится доставлять караванами. Причем эти двадцать процентов, как правило, наиболее ценный ресурс того мира, в котором находятся фактории. Кроме того, ищут людей с даром к управлению *хасса*. Так же довольно высоко, чтобы это окупалось, ценятся произведения искусства, местные природные феномены и фольклорные вещи. Но это побочный продукт и он занимает в общей стоимости поставок не более процента, хотя в общем объеме груза может занимать половину и более. А поставляют в основном технологии.

– То есть?

– Ну, кому что надо. Одним – сельскохозяйственные технологии, высокопродуктивные семена, оплодотворенные яйцеклетки генетически измененных животных и так далее, другим – вычислительную технику и технологии производства прыжковых двигателей, кому-то – технологии производства новых материалов, а кое-кому – все сразу и побольше. Последних, кстати, большинство... А вообще, я не очень в этом разбираюсь. Вот в том, что можно добыть в Ко́ме, – это да.

– А что, в Ко́ме что-то добывают?

– В Ко́ме можно легко стать миллионером, а кое-кому удалось даже заработать больше миллиарда.

– И на чем?

– На отчислениях от фактории, посаженной на зарегистрированный за тобой случайный портал, например. На крови черного крома. На сизой паутине. Есть способы... Но если взять, скажем, сизую паутину, флегматизированный грамм которой стоит шестнадцать миллионов универсальных кредитных единиц, то я знаю только одного из бродников, которому удалось принести объем таковой, достаточный для того, чтобы разбогатеть. Он тогда приволок где-то около плоя. Причем более половины заработка этот бродник потом потратил на несколько курсов регенерации, самым главным ингредиентом которых является очищенная вытяжка из той же сизой паутины, чтобы восстановить здоровье. У всех остальных баланс обратный – то есть либо им пришлось тратить на восстановление здоровья больше, чем они заработали, либо они так и остались калеками. И это еще не учитывая, что из столкнувшихся с сизой паутиной на одного выжившего приходится где-то около тысячи погибших. Причем по официально опубликованным, то есть явно заниженным данным.

– А почему заниженным?

– Да потому что о том, как гибнет три четверти бродников, вообще ничего неизвестно. Ушел – и сгинул, а от чего – черт его знает, – тут Иллис сделала паузу и, окинув Андрея внимательным взглядом, уточнила: – Ну как – ожил?

– Да, – несколько удивленно отозвался тот, осознав, что усталость действительно куда-то исчезла, и он снова если не полон сил, то весьма бодр.

– Значит – двинулись.

* * *

До перехода на десятый горизонт, выглядевший как обычный горный перевал (впрочем, насчет обычности Андрей был не уверен, так как сам воочию никаких горных перевалов не видел), они добрались еще часа через три. Но этот переход дался им куда легче, чем оба предыдущих. То ли дело было в волшебных энергетиках «инопланетян», то ли они просто уже принаровились к носилкам.

По мере приближения к переходу «инопланетяне» становились все более напряженными. Причем это стало очевидно не только Андрею или Степе, но и, скажем, Пашке.

– Слышь, чего-то они дерганные какие-то стали? – заявил он Андрею, пихнув того локтем в бок. – Видишь?

– Вижу, – пыхтя, отозвался тот. Они как раз перетаскивали носилки со Слийром через очередной валун.

– Не нравится мне это...

Но ответить Андрей не успел. Потому что откуда-то сбоку раздался... нет, воплем это назвать было нельзя – звуковой удар, причем такой силы, что Андрей не выдержал и, выпустив рукоять носилок, рухнул на камни, зажав уши руками. Впрочем, точно так же сделали и все остальные земляне. А девица-готица вообще не удержалась и сблеванула. Носилки со Слийром перекосило, и упакованное в скафандр тело «инопланетянина» повалилось вбок, в щель между камнями. И в этот момент Иллис взревела:

– Бегом!

Несколько мгновений ничего не происходило, поскольку половина землян эту команду тупо не осознала. Тем же, кто осознал, просто требовалось время, чтобы прийти в себя после полученного звукового удара, а затем ближайший из «инопланетян» засветил ошалело трясущему головой Федюне такого пинка, что тот взвился в воздух. Иллис же повторила:

– Хватайте Слийра и бегом, бегом!

Следующие двадцать минут Андрей запомнил слабо. Они схватили все так же валявшегося в отключке Слийра за руки, за ноги и рванули вперед, а «инопланетяне», оттянувшиеся назад и вправо, открыли огонь из своего оружия... наверно. Потому что никаких звуков или факелов пламени, которые ожидали привычные к огнестрельному оружию земляне, у оружия «инопланетян» не было. Да и отдачи, похоже, тоже. Но вот скалы в той стороне, куда было направлено оружие, начали взрываться с жутким грохотом. Затем откуда-то сверху на них рухнуло нечто, напоминающее этакий тент, вращающийся вокруг короткой стороны, и «инопланетяне» перевели огонь на него. Несколько секунд ничего не происходило, «тент» продолжал падать на них, а затем он будто вспух и рассыпался массой тонких и коротких нитей.

– В стороны! – заорала Иллис, и Андрей, уже успевший слегка прийти в себя, поспешно продублировал команду. Земляне порскнули по сторонам, причем Степа, Андрей и Паша даже умудрились не выпустить тушку Слийра, а вот Федюня, почти сразу же после крика Иллис бросивший его ногу, растерянно дернулся и замер, не соображая, куда бежать. Вроде как «инопланетянина» он бросил, так что бежать следом за теми, кто продолжал его тащить, было как-то неправильно, но если рвануть в каком-нибудь другом направлении, то можно не успеть выско- чить из-под полога тонких сизых нитей. И это промедление оказалось для Федюни роковым.

Он задержался всего на пару секунд, но это привело к тому, что в тот момент, когда он уже был на самом краю опасной зоны, его успели-таки коснуться несколько почти невесомых нитей. И это легкое касание оказалось смертельным.

Федюня заорал, причем так, как будто его режут. Впрочем, как выяснилось спустя пару мгновений, это было действительно так. Потому что почти невесомая нить, коснувшаяся его затылка, скользнула вниз, почти не замедлив своего падения, но при этом пройдясь по человеку, будто острая бритва. Так что рухнувший на камни Федюня лишился задней части затылка, половины задницы и левой ноги, срезанной под углом так, что разрез начинался на задней части ноги у подколенной выемки, а заканчивался спереди у подъема стопы. И это была только первая нить, пара следующих опустились на Федюню мгновением позже. Вторая отсекла ему оттопыренный локоть правой руки, напрочь отрезав локтевой сустав так, что предплечье оказалось соединено с плечом только узкой полоской кожи в районе локтевой выемки, а третья просто стесала бедняге весь левый бок. На протяжении всего нескольких секунд этот неуклюжий, но добрый, немного смешной и вполне себе обычный человек превратился в стоящий кусок разделанного мяса. Это было... страшно.

– О-ой, мамочки! – взвизгнула Танька. – Ой, ужас! О-о-о-ой!!!

– Танька стой! – взревел Степа. Но Танька, все так же вереща, развернулась и рванула назад, в ту сторону, откуда они пришли.

– О-ой, мама, мама, мамочки!

– Да стой же, дура! – Степа дернулся за ней, но рука Слийра, которую он до сего момента так и не выпустил, притормозила его, а потом Танька, сразу набравшая приличную скорость, заскочила на выступ скалы и исчезла из глаз. Степа выругался, выпустил руку и успел сделать первый шаг, но тут из-за поворота раздался такой дикий, отчаянный визг, что всех пробрало до костей.

– Стой! – крикнула Иллис. – Ей уже не поможешь!

Но Степа не обратил никакого внимания на сказанное ему на незнакомом языке. А к тому моменту, как Андрей заорал перевод, он уже подскочил к тому самому выступу скалы, за которым скрылась Танька. Там он на мгновение притормозил, заколебался, но затем упрямо набычился и высунул-таки голову за поворот. Все, что произошло потом, Андрей наблюдал, будто в замедленной съемке. Из-за выступа выметнулось нечто вроде щупальцев, но состоящих не из плотной материи, а из некоего сгустившегося тумана, которые упали на Степу и... с легкостью разрезали его плотную грузную фигуру на несколько кусков. Степа даже не успел заорать, как начал складываться, будто пирамидка из кубиков. Но это был еще не конец, потому что щупальца продолжали вылетать из-за выступа и дальше, так что «кубики» Степы, падая на поверхность, продолжали нарезаться на все более мелкие и мелкие кусочки. А затем выступ скалы разлетелся на куски под слаженным залпом «инопланетян», и за ним нарисовалось некое туманное облачко, из которого и вылетали все эти щупальца. Следующий залп «инопланетян» пришелся как раз по нему и... по ушам землян ударил дикий визг, не только перекрывший весь спектр как улавливаемых человеческим ухом частот, так и, похоже, выходявший далеко за его пределы в ультра- и инфразвуковую область. Андрей выпустил ногу Слийра, которую все еще продолжал держать, и осел на мгновенно подкосившихся ногах, вскинув руки к ушам и попытавшись хоть как-то уменьшить этим обрушившееся на него звуковое давление. Но это не помогло почти никак. Визг, казалось, проникал внутрь костей, заставляя ныть зубы и болезненно вибрировать все суставы. А потом он кончился...

Андрей еще некоторое время лежал, зажимая уши, а потом, медленно, напрягаясь, сумел приподнять голову и оглядеться. Все земляне валялись на камнях, причем видок у них был – краше в гроб кладут. Распластавшийся рядом с ним Паша был весь белый, а из его ушей и глаз текли тонкие струйки крови. Наташка, похоже, потеряла сознание, девица-готица, привалившаяся к здоровенному булыжнику в десятке шагов слева, снова медленно и с натугой

блевала. А когда Андрей повернул голову в сторону взорвавшегося выступа скалы и увидел мешанину нашинкованного мяса и костей, которые остались от Степы, то почувствовал, что у него тоже подкатывает к горлу комок. Бля...ь, да что же это такое?! Меньше минуты – и от троих человек остались горки нашинкованной плоти. Ну ладно, от двоих, что там произошло с третьей – они не видели, но что-то подсказывало ему, что на долю этой дуры Таньки вряд ли выпала заметно более легкая доля. Черт, черт, черт... а Федюня еще сомневался... ладно, о мертвых либо хорошо – либо никак. Андрей глубоко вздохнул и, стиснув зубы, попытался подняться. Это удалось ему только с третьей попытки.

– Скажи своим – пусть поднимаются. Нам пора двигаться дальше.

– Что? – Андрей сразу и не понял, что к нему обратилась Иллис.

– Нам пора двигаться дальше, – спокойно повторила она. – Скажи своим.

Андрей несколько секунд осознавал смысл того, что она только что ему сказала, а потом мотнул головой:

– Нет, мы должны это... похоронить. Мы должны похоронить своих.

Лидер команды «Ташель» несколько мгновений молча смотрела на него, а потом спросила:

– А как вы хороните?

– Ну... того, в землю закапываем.

Она кивнула.

– Хорошо, мы вырежем небольшую выемку – уложите в нее останки. У вас нет предубеждений насчет того, чтобы уложить двоих в одну могилу?

– Что? – Андрей все еще не пришел в себя настолько, чтобы сразу понимать, что ему говорят. – А-а-а, нет. Можно.

– Отлично, тогда собирайте останки. Могила будет готова через орм.

Сразу же после этого один из «инопланетян» развернулся, вскинул свое оружие и начал аккуратно вырезать выемку у ближайшей скалы. Андрей несколько секунд тупо пялился на этот процесс, а затем скосил глаза на то, что осталось от Федюни, сглотнул, а потом все же не выдержал и вывернул на камни содержимое желудка.

Федюню в могилу они уложили довольно быстро, поскольку тот был по большей части це... хм... ну одним куском короче, а вот со Степой пришлось повозиться. Его останки перенесли в три приема, причем все четверо оставшихся землян проблевались при этом минимум по паре раз. За Танькой им идти запретили, объяснив, что та тварь, которая нашинковала Степу, никуда не делась, просто отползла, но недалеко. И теперь ждет, не высунется ли кто... А когда получившуюся могилу уже почти засыпали камнями, девица-готица внезапно бросилась к Иллис и принялась лупить по ее скафу стиснутыми кулачками, крича:

– Это все вы, вы виноваты! Это все из-за вас! Ненавижу! Ненавижу! Сволочи!! Гады!!!

А Паша, стоявший рядом с Андреем, внезапно сглотнул и прошептал:

– Эх, блин, а у Степы ж доча только родилась...

И Андрея внезапно тоже охватила ненависть к этим уродам, вот так, внезапно, походя, выдернувшим их из такого привычного и, чего уж там, тихого, спокойного и очень, ну просто невысказанно доброго, обустроенного и уютного мирка в этот ужас под названием Ком. Причем эта ненависть была такой сильной, что он даже качнулся вперед, собираясь присоединиться к готице, но тут Иллис, которой весь этот град ударов, похоже, оказался совершенно побоку, вытянула руку вперед, и готица взмыла в воздух.

– Это – Ком, – спокойно произнесла лидер команды «Ташель», – самое жуткое место в известных Вселенных. Мы сделали все, что могли. Очень немногие могут сказать, что пережили атаку сизой паутины, а мы потеряли непосредственно от ее атаки всего одного человека. Причем по его же собственной нерасторопности. Остальные погибли по собственной глупости. Мы сумели заставить визгляка отказаться от дальнейших атак, но когда добыча появилась

в пределах его досягаемости... – она на мгновение замолчала, а затем сделала легкий жест кистью, отчего висящая в воздухе готица рухнула на камни, и устало закончила: – Если вы по-прежнему хотите идти с нами – мы начинаем выдвижение через орм. Если нет – прощайте.

* * *

Следующие двое суток (ну по прикидкам, поскольку никакой смены времени суток в Кома, как выяснилось, нет и в помине) превратились в ад. Атаки тварей Кома следовали одна за другой. Они потеряли троих «инопланетян» и Наталью. Впрочем, эти потери принесли и кое-какое облегчение, потому что одним из потерянных был Слийр. Так что после его гибели земляне оказались освобождены от функций носильщиков... Они шли и шли, поддерживая силы только энергетиками «инопланетян». Когда погиб первый из команды «Ташель», Пашка повернулся к Андрею и зашептал:

– Предложи им – пусть дадут нам их оружие. Поможем.

Но Иллис ответила, что это бессмысленно. Все их оружие построено на использовании *хасса*, и в руках человека, не умеющего пользоваться ею, теряет девяносто девять процентов своей убойной силы. Кроме того, оно еще и специально «привязывается» к хозяину. Так что чужой не сможет использовать его даже на один доступный процент. Впрочем, когда Пашка после очередного нападения ухватил-таки нечто вроде прямоугольного бруска размерами сорок на пятнадцать и на пять сантиметров с рукоятью внизу и выдвижным плечевым упором, из которого стрелял погибший при этом нападении «инопланетянин», она ничего не сказала. Но Пашка, повертев его в руках минут двадцать, зло сплюнул и бросил его на камни.

– Не работает. Да и тяжела дура. Не понимаю, как они так ловко с ней управлялись?

Так что следующие шесть часов они просто бежали в куцей толпешке «инопланетян», по команде Иллис то сгибая за валуны, то разбегаясь в разные стороны, то падая на камни и замирая. Сизая паутина атаковала их еще один только раз. Как выяснилось, она встречалась на десятом горизонте куда чаще, чем на одиннадцатом, но промышлять ее ходили на тринадцатый. Только там встречались включения Лиловой мути, способные удержать в себе нити сизой паутины. Все остальное она разрезала на раз. В том числе и камень, на который падала, уходя глубоко в скальный массив. Так что достать ее и поместить в изолирующий контейнер, в котором обычно и переносили добытое на горизонтах Кома, не было никакой возможности... Причем, как выяснилось, им очень повезло, что «инопланетяне» при первом нападении (да и при втором тоже) успели засечь сизую паутину еще в форме полога. В этом случае существовала вероятность успеть повредить ее настолько, что она, распавшись на нити, накрывала только ту площадь, которую накрыл бы полог, то есть несколько квадратных метров, ибо тогда при распадении полога нити распространялись в вертикальном направлении. Если же полог распадался беспрепятственно, то никакого спасения от нее не было – сизая паутина распространялась по горизонтали и накрывала площадь в несколько тысяч квадратных метров. Так что если бы тогда, при переходе на десятый горизонт, «инопланетяне» не сумели бы повредить «паутину», пока она была еще в форме полога, – их поход закончился еще там, на перевале...

Но чем дальше, тем больше Андрея охватывало отчаяние. Ему становилось все более и более ясно, что они не сумеют дойти этого Самиельбурга, окончательно приобретавшего в его глазах черты некой «земли обетованной». Энергетики «инопланетян» действовали все меньше и меньше. Если после первого приема они перли как лоси почти шесть часов, то теперь одной капсулы хватало уже менее чем на час. Да и, судя по озабоченности Иллис, оставалось их на руках так же все меньше и меньше. Так что когда они после очередного марш-броска ввалились в некое сооружение явно искусственного вида, что выдавали очень ровные стены, и Иллис, облегченно выдохнула: «Дошли...», он сразу не понял, что такого произошло. Это...

этот бункер, ну, или что-то наподобие, явно не тянул на поселение. Поэтому Андрей удивленно огляделся и спросил:

– Куда?

– Это – пост «Комкодий». Он вырублен в аккорнатовом массиве, который хорошо блокирует излучения мозга. Так что если поблизости нет тварей выше шестого уровня, значит, у нас имеется неплохой шанс немного отдохнуть и оклематься.

– А если есть?

– Если есть – значит, они скоро появятся поблизости и попытаются нас схарчить. Но если мы сумеем отбиться – у нас все равно появится шанс устроить себе передых. Рядом с такими тварями обычно пусто, ибо они не упускают возможности в отсутствие людей полакомиться другими обитателями Кома.

– Понятно... – тупо отозвался Андрей, который, на самом деле, не очень-то понял. Пост «Комкодий»... аккорнатовый массив... излучения мозга... Чепуха какая-то! И тут его дернул за рукав Паша:

– Андрюх, где это мы?

– Пост «Комкодий», – устало отозвался Андрей, – но не спрашивай меня, что это такое. Сам не понял.

Между тем «инопланетяне», так же, как и земляне, попадавшие было на выровненный каменный пол, зашевелились и начали подниматься. Похоже, Иллис снова отдала им какие-то команды, но земляне, как и раньше, ничего не услышали. А потом она развернулась к Андрею.

– Мы сейчас выставим периметр. Если поблизости действительно есть твари шестого и выше уровней – они нападут на нас в течение лука-двух. Если за это время нападений не будет – можно будет ограничиться одним часовым, а остальным привести себя в порядок и отдохнуть. Но вы уже можете начать приводить себя в порядок. Там дальше есть чистая вода и мох. Можете помыться и постираться. Потом будем есть.

– А-а... – начал Андрей, но Иллис его прервала:

– Не теряй времени. Мы проведем на посту «Комкодий» максимум ски, так что чем быстрее вы постираетесь, тем больше времени вам останется на сон. А чем больше вы успеете поспать – тем лучше организм сможет восстановиться после такой лошадиной дозы энергетиков. Так что давай, подгоняй своих, – после чего развернулась и нырнула в один из четырех арочных проходов, через один из которых они и попали в этот бункер. В три других минутой ранее уже вышли остальные «инопланетяне». Андрей проводил ее взглядом и развернулся к своим.

– Значит так, здесь мы задержимся где-то на сутки. Так что есть возможность помыться, постираться и поспать. Вода – вон там, там же и мох, зачем он – не знаю, может, вместо мочалки. Нам выделили на все про все... э-э, где-то порядка пятнадцати-тридцати минут. Потом тем же самым займутся хозяева...

– Понятно-о... – протянул Паша, а девица-говица перевернулась на бок, свернулась калачиком и тихо заплакала. Андрей несколько мгновений смотрел на нее, а затем тупо спросил:

– Ты чего?

– Я больше не могу... – всхлипывая, зашептала девчонка, – я хочу умереть. Зачем мне все это? Я же не этого хотела. Я хотела... Я думала... А они... они – умерли. А я больше не могу. Убейте меня кто-нибудь. Я не хочу, чтобы меня так, как Наташу. Или как Таню. Задушите меня. Или зарежьте. Я хочу умереть. Я больше не могу...

– Ты это того, – строго произнес Пашка, – брось-давай. Столько уже прошли.

– Я не могу, не могу...

– Ну ладно тебе... не плачь... – Пашка подковылял к ней и, обняв ее за плечи, начал поглаживать по голове, спине, плечам. – Ну, все-все, успокойся. Дошли же...

– Докуда дошли?! – вскинулась девчонка. – До места, которое станет нашей могилой?!!

– До места, где можно передохнуть и выспаться. И до этого... как его там... ну поселения ихнего тоже дойдем. Мы ж, это... мы ж – выжили! Нам теперь за всех надо жить, за наших – за Степу, за Таньку с Натальей, за Федюню. Потому что если мы ручки сложим, получится, что они зазря погибли...

Андрей еще минуту послушал успокаивающее бормотание Пашки, а затем поднялся на ноги и тяжело двинулся в ту сторону, где, по словам Иллис, была вода.

Ужин... или обед, а то и вообще завтрак, поскольку Андрей уже окончательно запутался со временем, оказался куда более обильным, чем тот прием пищи, который у них состоялся на первом привале. Жрачка, похоже, снова была представлена полевыми пайками, но их было несколько видов, причем они, судя по всему, были заметно более питательными. Да и в объеме поглощаемой пищи землян никто не ограничивал. Жри, сколько влезет. Даже как бы вроде чуть ли не поощряли на то, чтобы они побольше ели.

Наевшись, Андрей слегка ословел, но решил не ложиться сразу, а снова пообщаться с Иллис. Поэтому, преодолевая навалившуюся на него сонливость, он поднялся и подсел к ней. Та развернулась к нему, но не стала ни о чем спрашивать, отдавая ему первенство в почине разговора.

– Иллис, а это ваш пост? Команды «Ташель»?

Лидер команды мягко качнула головой:

– Нет, им пользуются все бродники. Аккорнатовые массивы в Кома встречаются довольно редко, но почти в каждом из них оборудован подобный бункер. Потому что твари Кома почему-то не любят находиться поблизости от залежей аккорната. Нет, если они бы учуяли нас, то непременно напали бы, и аккорнат бы им не слишком помешал. Но во всех остальных случаях они предпочитают ошиваться где-то поодаль. Так что подобные бункера дают возможность устроить полноценную и относительно безопасную дневку.

– Угу, – кивнул Андрей, – понятненько. А кто обновляет здешние запасы?

– Все, кто идет мимо. Когда наш маршрут пролегает через седьмой горизонт, мы всегда берем с собой некоторое количество дополнительных припасов, чтобы пополнить запасы поста. И, кстати, часть тех пайков, которые мы едим, – как раз те, что мы забросили сюда несколько дней назад, по пути на одиннадцатый горизонт.

Андрей согласно кивнул: похоже, здесь все так, как устроено у сибирских охотников. Ну, если верить тому, что он про них читал. Там тоже охотничьи избушки в тайге доступны любому проходящему мимо, но и обихаживают их так же все, кто ими пользуется. Ну, там запасы пополняют, дрова рубят и тому подобное... Хм, значит эти «инопланетяне» все ж таки очень похожи на людей. Впрочем, Иллис же говорила, что люди не слишком отличаются друг от друга... Он развернулся и взгляделся в лица «инопланетян», сидевших у небольшого костерка, сложенного из чего-то типа сухого горючего. Причем, скорее всего, не потому, что им так уж действительно был нужен открытый огонь, сколько, похоже, потому, что у открытого огня они чувствовали себя уютнее и... защищеннее что ли. Вон и шлемы снимали. Впервые с того момента, как он их увидел. Хотя раньше, максимум, что они себе позволяли – это поднять лицевой щиток, или, скорее, забрало. Нет, все-таки, несмотря на свою временами весьма экзотичную внешность, они точно очень близки к землянам...

– А у вас тоже модно делать себе тату? – неожиданно даже для себя самого спросил он. Ну не тянул подобный вопрос на важный и животрепещущий.

– Что? – непонятливо нахмурилась Иллис.

– Ну, вон у тех двоих на лице и шее всякие рисунки. У нас это называют тату. Их наносят для украшения, ну чтобы выделиться.

– А-а – это не... не украшение, то есть не то, что вы называете тату. Это – узор. Он позволяет оперировать *хасса*. Просто среди людей очень мало тех, кто имеет природную чувстви-

тельность к *хасса*. От одного на несколько сотен тысяч до одного на миллион в зависимости от расы. А ресурсы Кома очень востребованы. Так что ученые придумали вживлять людям вот такие сложные системы, которые называются узором. Он бывает первого, второго, третьего и, говорят, четвертого уровней. Но я никого с четвертым уровнем узора пока не встречала. Ходят слухи, что такой узор, позволяя оперировать *хасса* на четвертом уровне, доставляет его носителю очень болезненные ощущения. Так что желающих сделать себе четвертый уровень узора – очень мало. Впрочем, это всего лишь слухи.

– А-а... – Андрей слегка стушевался, но затем все-таки решил задать внезапно вспыхнувший у него вопрос, – то, что у тебя нет узора, означает...

– Да, у меня есть природная чувствительность к *хасса*. И я овладела им на четвертом уровне. Именно поэтому я и являюсь лидером команды «Ташель», хотя Таслам, например, – она кивнула в сторону одного из татуированных, – гуляет по Кому куда дольше меня...

Они проговорили еще около часа, после чего Андрей, устав бороться с дремой, которая становилась с каждой минутой все сильнее и сильнее, поднялся и побрел в сторону коридора, в котором недавно скрылись Пашка и девица-готица. Но едва только он нырнул под арку, как из-за поворота коридора до него донеслись очень характерные звуки. Несколько секунд он стоял, прислушиваясь, а затем криво усмехнулся и, развернувшись, двинулся обратно в общую залу. Похоже, спать ему придется вместе с «инопланетянами». Да уж, Паша, похоже, применил самое радикальное средство для того, чтобы вышибить у девчонки из головы всякие мысли о смерти. Впрочем, почему обязательно Паша? Вполне возможно, что основным инициатором был вовсе не он. Да и какая разница! Сам-то Андрей собирается только как следует выспаться.

4

– ...достигнешь пятого уровня, – хрипло выдохнула Иллис и облизала пересохшие губы. Андрей наклонился и снова поднес флягу к ее лицу. Бродница, чуть наклонив голову, подавалась вперед, ухватила губами горлышко и торопливо сделала пару глотков, после чего снова откинулась назад.

– Ты это... побереги воду-то. Ты ж *хасса* не владеешь, так что проверить воду «водным нюхом» не сможешь. Мне уже все равно не поможешь, – все так же хрипло произнесла Иллис, – а тебе еще пригодится.

Андрей криво усмехнулся. Да уж, пригодиться... как будто для него так уж много изменится, если он сдохнет не от жажды? А другого варианта нет. Если уж бродники, самый слабый из которых имел третий уровень, а Иллис – даже четвертый, топтавшие Ком годы и годы, были один за другим убиты им, чего тогда ждет его, обыкновенного земного парня, бывшего студента, а ныне арендатора секции на Митинском радиорынке, узнавшего о Коме только шесть дней назад?..

* * *

Пост «Комкодий» они покинули чуть позже, чем собирались сначала – через полтора ски, основательно выпавшись и подкрепившись. Но все равно, перед выходом пришлось принять энергетик, потому что отошедшие за время сна от запредельных нагрузок мышцы тут же начало страшно ломить. Однако энергетик сделал свое дело, и в путь они тронулись довольно бодро. Даже девица-готица, которую, как выяснилось, звали Дарьей, немного повеселела и шустро переставляла ноги, держась поблизости от Пашки. В принципе, шансы на то, что они доберутся до Самиельбурга, после поста «Комкодий» выглядели даже более предпочтительными, чем в тот момент, когда они тронулись с одиннадцатого горизонта. Пост располагался на седьмом горизонте, а здесь, в Коме, каждый следующий горизонт считался более опасным, чем предыдущий. Так что, несмотря на то, что их возможности к обороне сократились с того времени на двух бойцов, отсутствие необходимости волочь тушку Слийра и уменьшавшаяся на четыре единицы численность откровенной обузы, каковой являлись земляне, явно работали на повышение шансов их сборной команды. Впрочем, никто особенно не обольщался. Ком – есть Ком. И сдохнуть здесь куда проще, чем выжить. Даже на первом горизонте, не говоря уж о седьмом.

До перехода на шестой горизонт они добрались довольно быстро, всего часа за четыре. Или, если уж пользоваться единицами измерения времени, принятыми здесь, за полтора ниса. И тут Андрей, который уже считал, что немного разобрался в том, что такое Ком, снова осознал, что он еще ни хрена не знает.

Все началось с того, что висящая в воздухе дымка, обычно ограничивающая видимое пространство радиусом где-то в километр, начала заметно сгущаться. Так что уже через десять минут и несколько сотен метров видимость упала метров до ста, а то и меньше. Затем, шедший впереди метрах в десяти-двенадцати Таслам, тот самый татуированный «инопланетянин»... то есть, конечно, не татуированный, а сделавший себе узор, внезапно сдвинулся влево и встал на боковую поверхность скальной щели, через которую они пробирались. Андрей от изумления аж остановился. Между тем Таслам сделал еще шаг и выпрямился, отчего его тело... повисло горизонтально поверхности.

– Э-э... Иллис, – изумленно начал Андрей, но она требовательно вскинула руку, и он мгновенно замолчал. Несколько секунд ничего не происходило, а затем Таслам сделал еще несколько шагов вперед. Причем, как выяснилось, дальше боковая поверхность скальной щели изгибалась под сильным углом, так что когда «инопланетянин» сделал эти несколько шагов,

его тушка стала смотреться еще более сюрреалистично. Потому что ноги Таслама вознеслись выше головы, а тело было наклонено под углом градусов двадцать относительно горизонта, так что его затылок оказался ближайшей к поверхности точкой тела «инопланетянина».

– Осторожно идите вперед, – приказала Иллис. – И ничему не удивляйтесь.

Андрей, сглотнув, кивнул, продублировал команду Пашке и Дарье, так же пребывавшим в полном ступоре, и, задержав дыхание, двинулся вперед.

Когда он преодолел некую невидимую границу, после которой Таслам полез на боковую стену, ничего особенного не произошло. Только появилось этакое головокружение, и тело потянуло на сторону. Восстановив равновесие, Андрей оглянулся и полюбовался на ошалелые физиономии земляков. Причем и Пашка, и Дарья относительно его положения стояли где-то под углом градусов в двадцать пять, отчего Андрея слегка замутило. Странно, когда он пялился на Таслама, этого не было. Может, все дело в том, что Пашка и Дарья были гораздо ближе? Он поспешно отвернулся и сделал еще несколько шагов вперед, дойдя до точки, с которой снова стал различим довольно далеко ушедший вперед Таслам. Тот так же стоял под углом, но под обратным относительно того, под которым располагались земляне. Все это заметно сбивало с толку вестибулярный аппарат, поэтому Андрей поспешно двинулся вперед, стараясь побыстрее достигнуть той точки, с которой хотя бы в одну сторону все будет нормально.

Когда эту странную зону преодолели все, Андрей повернулся к Иллис и спросил:

– Что это было?

– Переход с седьмого на шестой горизонт, – спокойно объяснила она.

– Но... раньше-то такого не было.

Иллис усмехнулась:

– Это – Ком. Тут нет понятия «как обычно». Здесь возможно все. Например, многие переходы с четвертого на пятый горизонт представляют из себя водные сифоны. Причем большинство – длиной около трех тисаскичей. Поэтому плыть сквозь них приходится не менее лука. А до кучи, в середине сифона гравитация вообще исчезает и вполне возможно запутаться и развернуться в противоположную сторону. Что, если учесть одностороннюю межгоризонтальную проницаемость сифонов, почти всегда приводит к гибели заблудившегося.

– Угу, – понимающе кивнул Андрей, хотя что из себя представляет этот самый тисаскич, он даже предположить не мог. Пожалуй, на следующем привале стоит разобраться с мерами веса, длины, расстояния и так далее.

На шестом уровне их первый раз атаковали только через полчаса после того, как они покинули столь необычный переход между горизонтами. Причем саму атаку Андрей прозевал. Еще мгновение назад он просто шел, стараясь сохранять дыхание и двигаться в ритм идущему впереди, как вот он уже летит вбок, отброшенный сильным тычком кого-то из «инопланетян». А впереди раздается грохот взрывов.

Когда Андрей сумел-таки очухаться от сильного удара о поверхность, перевернуться на пузо и осторожно приподнять голову, все уже было закончено. На утопанной земле валялись три здоровенных туши, напоминавшие кошмарную помесь ящерицы и кошки. Над первой из них наклонился Таслам, орудуя длинным клинком, напоминающим то ли длинный нож, то ли короткий меч.

– Чего это он, Андрюх? – удивленно произнес Пашка, когда «инопланетянин» вырезал из внутренностей валявшейся зверюги нечто, по внешнему виду напоминающее печенку, только этакое фиолетового, баклажанного оттенка, и принялся быстро пожирать ее, отрезая по кусочку своим клинком.

– Откуда я-то знаю? – отозвался Андрей, удивленный не меньше Пашки. До сих пор «инопланетяне» питались только пайками, а тут... и ведь даже не пожарил и не запек, там, на углях либо своим сухом горючем – прям сыртинку жрет.

– Иллис, а чего это Таслам делает?

Та еле заметно улыбнулась:

– Существует поверье, что если съесть свежую *слисси* ординарной твари, то это может повысить чувствительность к *хасса*.

– Поверье? А как оно на самом деле?

Иллис пожала плечами:

– Не знаю.

– Не сомневайся, парень, – внезапно обратился к нему Таслам. – Все правда. Я вот когда сделал себе первый узор, поперся сразу на второй горизонт и завалил стаю восьмипалых. А потом вырезал у них все *слисси* и сожрал.

– Ну да, – с явной насмешкой в голосе произнесла Иллис, – а потом, небось, десяток ски валялся в коме от отравления.

– Ну и что? – невозмутимо отозвался Таслам. – И провалялся. Зато у меня одна из самых сильных чувствительностей к *хасса* среди всех, у кого есть третий узор. Скажешь, нет?

– Это – да, – согласно кивнула Иллис, – только я не уверена, что между твоим ритуальным поглощением *слисси* у любой ординарной твари, которую нам удастся завалить, и твоей повышенной для третьего узора чувствительностью есть хоть какая-то связь. Скорее всего, это просто твоя индивидуальная особенность, не имеющая никакого отношения к поеданию *слисси*.

– А я – вижу, – сердито отозвался Таслам. – И, кстати, я жру *слисси* вовсе не у любой ординарной твари. Тех же восьмипалых мне теперь жрать нет никакого смысла, – он повернулся к Андрею, – запомни, жрать *слисси* следует только у тех тварей, которые выше тебя уровнем. Скажем, *слисси* у восьмипалых имеет смысл жрать только на первом уровне владения *хасса*, а у темной кошки, – он кивнул в сторону валявшихся тварей, – вполне можно до третьего включительно. Потому что они имеют четвертый уровень и, к тому же, являются одними из самых сильных среди ординарных тварей. И вообще, чем больше разница в уровнях, тем большим будет эффект. Понял?

Андрей кивнул, а потом, после краткого раздумья, спросил:

– А почему ты тогда пошел охотиться на восьмипалых, а не на темных кошек?

Таслам хрипло рассмеялся:

– Ну ты даешь, парень... Да бродник на первом уровне *хасса* для темной кошки – на один зуб. Сожрут и не подавятся. И вообще, они встречаются только на четвертом горизонте и ниже, а лезть с первым уровнем владения *хасса* даже на третий я никому не посоветую. Если только «мулом»...

– Кем? – не понял Андрей.

– «Мулом», ну носильщиком, в торговом там караване или какой экспедиции. Так можно с первым уровнем *хасса* и до десятого добраться. Ниже – уже вряд ли кто возьмет. Там со столь низким уровнем владения *хасса* только манком для тварей Кома работать. Да и на десятый можно попасть только в самом уж крайнем случае. Но до пятого – очень запросто.

– А... вообще не владея *хасса* до какого горизонта можно спуститься?

– Ну, если ты не супершишка, и не способен нанять в охрану сильную команду, то тебе ниже первого горизонта соваться незачем. Да и на первом горизонте далеко не всюду. Иначе – схарчат.

– О чем вы там базарите-то? – не утерпел Пашка, дергая Андрея за рукав. Тот быстро пересказал ему весь разговор, и Пашка тут же загорелся:

– Слышь, спроси, а мне можно?

– Чего?

– Ну, эту... печенку ихнюю того. Захавать.

– Тебе-то зачем?

– Ну, сам же говоришь, что здесь без этого ихнего *хасса* – никуда. А тут такое дело...

– Да Иллис говорит, что это только поверье, – попробовал урезонить земляка Андрей.

– Ну и что? Мало ли, – не согласился тот. – Этот, татуированный-то, считает по-другому. А нам край тут нужно как-то зацепляться. Давай, не томи – спрашивай.

Но Таслам в ответ на вопрос только покачал головой:

– Не, пока *хасса* не отозвался – это бесполезно. Хотя десять плоев *слисси* сожри – толку не будет. И, кстати, жрать *слисси* можно только сразу или, как минимум, не позднее лука после того, как завалишь тварь. Иначе просто сдохнешь. У них сразу после смерти начинаются процессы распада тканей, так что чуть замешкаешься – и конец.

Андрей понимающе кивнул и пересказал все Пашке. Таслам же принялся сноровисто вырезать *слисси* из следующей темной кошки, а Иллис немного подумав, объявила привал на прием пищи. Энергетиков у них осталось очень мало, а идти было еще изрядно, причем по довольно, так сказать, оживленным местам. Так что их следовало поберечь и восстановить силы более привычным способом.

Быстро покончив с трапезой, Андрей привычно подсел к Иллис.

– Слушай, а как это... ну когда можешь управлять *хасса*? В чем это выражается?

Однако вместо Иллис отозвался сидевший поблизости Таслам.

– Ну, первый уровень это – вот, – он поднял руку и развернул ладонью вверх. В следующее мгновение у него над ладонью загорелся небольшой ослепительный шарик. Таслам подержал его над ладонью пару секунд, а затем легким движением кисти швырнул в сторону крупного валуна. Тот пролетел десяток шагов и с громким хлопком вонзился в валун, заставив его бок раскалиться и слегка потечь.

– Фаэрбол, – зачарованно прошептала Дарья, а затем ее глаза буквально вспыхнули. – Они владеют магией!

– Ну, это, скажем, далеко не первый уровень, – вступила в разговор Иллис. – Первый уровень – это обычный «светляк», да еще и боящийся воды, простенькая «лечилка», «сигналка» на тварей уровня до второго-третьего, «водный нюх», да и все, пожалуй. А то, что ты показал, – это, минимум, второй. И вообще – поели, значит, кончаем болтать и двигаем дальше. А то что-то расслабились больно. Эта стая Темных кошек, конечно, многих в округе распугала, но мы на шестом уровне, и здесь встречаются твари, которым на кошек наплевать.

Таслам согласно кивнул, захлопнул забрало и, упруго вскочив на ноги, двинулся вперед, снова занимая позицию в голове их небольшой колонны. Андрей проводил его взглядом и с удивлением почувствовал, что скользкий и холодный комок, образовавшийся у него в груди в тот момент, когда Федюня попал под удар сизой паутины, начал потихоньку рассасываться. Ой, черт, неужели он наконец-то поверил, что они доберутся-таки до Самиельбурга, чем бы он там ни был и что бы их там не ждало...

* * *

– Ты это... – зашептала Иллис, потому что сил у нее, похоже, теперь хватало только на шепот, – собери... у кого сможешь... изолирующие контейнеры... Там есть кое-что... Не слишком много... мы были в конвое... а не в рейде... но есть... Если доберешься до Самиельбурга – продашь. Тебя, конечно, облапошат по полной, но на первое время хватит... И оружие возьми... Оно пойдет даже дороже... чем добыча из контейнеров... Но не перегружайся... И как войдешь – иди в лавку Грубаря... Да... это... переоденься... Хотя бы в броню Таслама... А то тебя даже не пустят в поселение... Или сразу же попадешь в рабы...

Андрей согласно кивнул и снова поднес к губам Иллис горлышко фляжки...

* * *

Через нис после нападения темных кошек они потеряли еще одного бойца. Он просто рухнул во внезапно разверзшуюся почву, которая на шестом горизонте заменила уже привычные скалы. Причем за несколько мгновений до него по разверзнувшемуся под его ногами участку вполне спокойно прошли Таслам и Иллис. «Инопланетяне» мгновенно развернулись и открыли огонь по провалу, в котором исчез один из них, а Иллис даже сорвала с пояса какой-то цилиндрический предмет и, сильно размахнувшись, зашвырнула его вниз. Спустя мгновение почва под ногами вздрогнула, а затем пошла волнами, как будто кто-то там, под землей, бился в агонии, а Иллис скомандовала:

– Бегом!

И они понеслись вперед.

Бежали они недолго, минут пятнадцать, но довольно быстро, так что Андрей, да и остальные земляне, начали задыхаться уже через пять минут. А через десять им с Пашкой пришлось взять Дарью, так сказать, на буксир, потому что она захрипела:

– Все, больше не могу! Бросьте меня здесь...

Впрочем, через пятнадцать минут бежать они не прекратили, просто сильно снизили скорость, где-то до уровня бега трусой. Но она позволила землянам немного отдышаться. Во всяком случае, Андрею с Пашкой. Дарья же по-прежнему висела на них полуубитой тушкой.

Сразу после провала «инопланетяне» перестроились, вытянувшись в линию впереди землян и перестав вообще контролировать тыл. В таком порядке они двигались около двух часов, время от времени резко меняя направление и ускоряясь. А затем их отряд добрался до первого увиденного Андреем в Ко́ме леса... Ну, не совсем, но на лес это было похоже более всего. И «инопланетян» это заметно взбодрило. Похоже, лес означал избавление от той опасности, которая таилась в земле. Так оно и оказалось. Ибо, едва они отделились от опушки где-то на полкилометра, добравшись до небольшой полянки, диаметром метров в семь-десять, Иллис объявила привал.

Быстро перекусив, Андрей снова подсел к ней.

– Ты как, не против еще меня попросвещать?

Иллис отрицательно качнула головой:

– Да нет, только, если ты не против, я при этом полежу с закрытыми глазами. Устали.

– Да я могу потерпеть...

– Ничего, спрашивай, – махнула рукой Иллис.

Андрей окинул ее любопытным взглядом и начал с вопроса, который возник у него только что:

– А отчего они устали?

– Пока мы двигались – пришлось все время смотреть под ноги «острым взглядом». Черви-трясуны обычно мигрируют такими «кустами», так что нам пришлось выбирать маршрут, чтобы больше не вляпаться, как Луйл. А когда используешь «острый взгляд» – концентрация *хасса* в глазных яблоках повышается раз в сорок. Ну а у меня каналы в глазах наиболее слабые, вот глаза и утомились. Я, если честно, и привал-то объявила, чтобы самой хоть немного прийти в себя. А так лучше бы нам двигаться.

– И... вы все так смотрели... ну этим, «острым взглядом»?

– Да, но у меня четвертый уровень оперирования *хасса*, так что я вижу сквозь толщу породы раз в восемь дальше, чем, скажем, Таслам. А он после меня самый сильный. Так что мне пришлось тяжелее всего.

– Угу, – понимающе кивнул Андрей, – понятненько... Слушай, а как становятся бродниками?

Иллис открыла глаза и, повернув голову, посмотрела на землянина долгим взглядом, а потом усмехнулась:

– Ну, проще всего им стать, если ты вырос в самых бедных трущобах какого-нибудь мегаполиса. В этом случае у тебя появляются самые большие шансы.

– В трущобах? – удивился Андрей.

– Да, – кивнула лидер команды «Ташель», отворачиваясь и снова закрывая глаза, – это – самый распространенный вариант. Сначала ты подбираешь объедки на свалках, потом вступаешь в подростковую банду, после чего у тебя появляются приводы в полицию. Лет через пять ты, наконец-то, залетаешь по-крупному, и тебе впервые предлагают вместо срока отправиться в Ком. Ты, естественно, отказываешься и, отсидев положенное, возвращаешься обратно в трущобы. А через четыре-шесть блоев вновь залетаешь по-крупному. Ну, а повторный приговор уже не предусматривает отказа от Кома... – она замолчала. Андрей тоже молчал. Ошарашенно. Ему отчего-то представлялось, что сюда, в Ком, полный опасностей, но и, в не меньшей мере, возможностей (даже миллиардером можно стать), едут только добровольцы. Лучшие. Самые сильные и умелые. А тут...

– Тех, кто прошел этим путем, среди бродников – девяносто девять из ста.

– То есть, подавляющее большинство бродников это... каторжники?

– А ты что думал? – в голосе Иллис вновь явственно зазвучала насмешка. – Как иначе-то, если после года пребывания в Кома из десяти прибывших сюда выживает один, а до второго уровня оперирования *хасса* доживает лишь один из сорока тех, кто пережил первый год?

Андрей сглотнул... да уж, при таком проценте выживания остается уповать только на каторжников.

– Правда, после овладения третьим уровнем оперирования *хасса* процент гибнущих и выживших почти выравнивается, но, сам понимаешь, до этого доживают немногие. В Кома же – чем ниже горизонт, тем больше интересного. Но и опасного тоже...

Андрей несколько минут молчал, переваривая шокирующую информацию, а затем осторожно спросил:

– А уехать с Кома можно?

– Куда?

– Ну... куда-нибудь на планету.

– Без проблем, – снова усмехнулась Иллис, – плати одиннадцать миллионов кредитных единиц – и лети.

– Сколько?!

– И это минимум. За столько тебя доставят лишь куда-нибудь на Тавтай или Книмен. Впрочем, возможно это самый дешевый путь – добраться до Тавтая, получить ограниченное гражданство, отбыть там три года и купить обычный билет на межсистемный лайнер. Прямая доставка куда-нибудь на более развитые миры без трехлетней отсидки обойдется раза в два больше, – она вздохнула. – Вот так-то, парень... бесплатный билет на этом маршруте можно получить только в одну сторону. В другую он стоит просто немеряно. В Кома нечто подобное называется односторонней проницаемостью...

Андрей снова задумался. Вот черт, похоже, Иллис совершенно права, когда утверждала, что Ком – самая большая задница в известных Вселенных. Хотя Андрей пока знает только одну... И тут ему пришла в голову еще одна идея:

– А если через факторию?

– Это иногда случается, – кивнула Иллис. – Только очень редко. Я знаю всего о паре случаев. Просто дело в том, что к тому моменту, как ты получаешь возможность как-то заиметь доступ к порталу фактории, ты уже поднимаешься до такого уровня, что тебе и в Кома становится не так уж плохо. То есть основные опасности начального уровня уже давно позади.

Андрей понимающе кивнул. А чего тут неясного-то? Пока ты никто и зовут тебя никак, а опасность сдохнуть максимальна – к portalу тебя хрен допустят, а когда ты вскарабкался наверх – так оно становится и не слишком надо. Эвон те же воры в законе, судя по слухам, а также по фильмам и книжкам, в любой, даже самой строгой зоне вполне себе неплохо устраиваются... Ладно, это все лирика. А ему сейчас крайне нужна конкретика.

– И как же нам быть? – прямо спросил он.

– Если хочешь получить максимум шансов на выживание – лучше всего осесть в каком-нибудь поселении. Там хватает всякого обслуживающего персонала – официанты, уборщики, грузчики, работники мастерских по починке снаряжения и так далее. Но на особые доходы в таком случае можешь не рассчитывать. Едва на жизнь хватит. Если же вздумаешь идти в бродники... – она замолчала и, открыв глаза, в упор взглянула на него, – не торопись делать узор.

– Почему? – медленно произнес Андрей.

Иллис несколько мгновений молчала, а затем тихо произнесла:

– Не знаю, возможно, я зря тебе это говорю, но... у меня появилось ощущение, что у тебя может проснуться природная чувствительность к *хасса*. У меня нет этому никакого логического объяснения. Для того чтобы обнаружить эту способность, требуются вагоны аппаратуры и долгие тесты, да и в этом случае точность тестирования составляет не более тридцати процентов, так что никаких объективных предпосылок к моему заявлению нет и быть не может, но... мне так кажется, – она замолчала и вновь смежила веки. Андрей, в свою очередь, тоже молчал, обдумывая услышанное. Вот так-так, это что же, он тоже может достигнуть четвертого уровня оперирования *хасса*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.